

Сид

№2 (6) июль 2019

ЖУРНАЛ ДЛЯ
СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ
СЕМЕЙНОГО УСТРОЙСТВА
И ПРОФИЛАКТИКИ
СОЦИАЛЬНОГО
СИРОТСТВА

ОРИЕНТИРЫ

**БУЛЛИНГ И КАК
С НИМ БОРОТЬСЯ**

ТЕМА НОМЕРА

**НАСИЛИЕ
В СЕМЬЕ**

ПРАКТИКИ

**ПОБЕГ ОТ АГРЕССОРА:
ПУНКТ ГЛАВНЫЙ**

**ФОНД
ТИМЧЕНКО**

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ЕЛЕНА И ГЕННАДИЯ
ТИМЧЕНКО

3	Дискуссия УСЫНОВЛЕНИЕ: ТАЙНА ИЛИ НЕТ? ..... 3 Программа «Семья и дети» Фонда Тимченко приглашает к обсуждению
5	Ориентиры КАК РАБОТАТЬ С ДЕТЬМИ, ПЕРЕЖИВШИМИ НАСИЛИЕ? ..... 5 О чём говорили на профильном семинаре в Санкт-Петербурге
	ГОЛОС РЕБЁНКА, СЕМЕЙНАЯ ОБСТАНОВКА И ДРУГИЕ ТРЕНДЫ ..... 8 Успехи и сложности в реформе детских учреждений: результаты обсуждения в Сибирском федеральном округе
	НОВЫЙ ШАГ В РАЗВИТИИ СОПРОВОЖДАЕМОГО ПРОЖИВАНИЯ ..... 10 Результаты заседания Совета при Правительстве РФ
	БУЛЛИНГ И КАК С НИМ БОРОТЬСЯ ..... 12 Участники конференции в Москве делятся самым полезным
14	Наш человек «В НАШЕЙ РАБОТЕ МНОГО ШАБЛОНОВ, СПАСАТЕЛЬСТВО — ОДИН ИЗ НИХ» ..... 14 Ирина Алексеева о самом важном для психолога, работающего в сложных ситуациях
18	Тема номера НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ ..... 18 История проблемы, причины, пути решения
23	Научный подход БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ? ..... 23 Как россияне относятся к физическим наказаниям в семье
	ПОЗИЦИЯ НА ВЫРОСТ ..... 26 Детей спросили, что они хотят знать о будущих приёмных родителях
31	Практики ПОБЕГ ОТ АГРЕССОРА: ПУНКТ ГЛАВНЫЙ .... 31 Чем помочь матери с двумя детьми, чтобы она не вернулась к домашнему насильнику?
36	Как жить ВРЕДНЫЕ ЧУВСТВА ..... 36 Как справиться с опасными эмоциями, когда работаешь с детьми, пережившими насилие?

«Сид. Журнал для специалистов сферы семейного устройства и профилактики социального сиротства»

№2 (6) июль 2019

Периодичность выхода
4 раза в год

Распространение
Бесплатно по подписке

Редакция и подписка на журнал
sdjournal@timchenkofoundation.org

Сайт
<http://deti.timchenkofoundation.org/magazine/>

«Журнал Сид» издаётся при поддержке Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко

Научный редактор
Кандидат социологических наук, руководитель программы «Семья и дети» Эльвира Гарифулина

Редактор
Юлия Гугова

Над номером работали
Елена Кириллова, Анна Вознюк, Катерина Печуричко, Юлия Гладова, Вера Мельникова

Фотографии предоставлены
Фондом Тимченко, организациями, упомянутыми в журнале и Shutterstock

Фото на обложке
Antonio Guillem / Shutterstock

ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

WHY_EFFECT
123298, Москва,
ул. 3-я Хорошевская, 18, корп. 1,
пом. 9
Тел.: +7 (495) 926-09-88
whyeffect.ru
yes@whyeffect.group

Генеральный директор
Амир Абдуллаев

Креативный директор
Даниил Фишкин

Арт-директор
Ирина Астафьева

Корректор
Саша Нелюба

Дизайнер
Алексей Шалин

Любое использование материалов без согласия редакции запрещено.

Аудитория: 16+

© Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, 2019.

Усыновление: тайна или нет?

ПРОГРАММА «СЕМЬЯ И ДЕТИ» ФОНДА
ТИМЧЕНКО ПРИГЛАШАЕТ К ДИСКУССИИ

ТАЙНА УСЫНОВЛЕНИЯ — ПРАВО НОВЫХ РОДИТЕЛЕЙ НЕ РАССКАЗЫВАТЬ, ЧТО РЕБЁНОК ПРИЁМНЫЙ. РАЗГЛАШЕНИЕ ВОПРОКИ ИХ ВОЛЕ ВЛЕЧЁТ ЗА СОБОЙ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. НАКАЗАНИЕ ЗА НАРУШЕНИЕ — ШТРАФ ДО 80 000 РУБЛЕЙ, ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ ИЛИ АРЕСТ ➔ [УК РФ СТАТЬЯ 155](#). ТАЙНА ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОМ, НО НЕ ВСЕГДА ЯВЛЯЕТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ ЛЮБОГО УСЫНОВЛЕНИЯ. ВМЕСТЕ С ТЕМ В КОНВЕНЦИИ ООН О ПРАВАХ РЕБЁНКА ГОВОРИТСЯ: «РЕБЁНОК ИМЕЕТ ПРАВО ЗНАТЬ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ» ([➔ СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ](#)).

Многие специалисты сферы защиты детства считают, что тайна усыновления травмирует ребёнка и вредит замещающей семье. Психологи отмечают, что у детей, которым не рассказали об их происхождении, чаще встречаются проблемы с самоидентификацией, доверием и проработкой травм.

Сторонники тайны усыновления считают, что информация о происхождении ребёнка может причинить ему нравственные страдания, привести к конфликтам во внутрисемейном пространстве. Некоторые родители выбирают скрыть правду от ребёнка и считают такой путь заботливым и безопасным, некоторые не знают, как правильно сказать об этом ребёнку, поэтому предпочитают не говорить на эту тему вообще.

С одной стороны — право детей на их личные истории, право знать свои корни и связанные с этим риски. С другой — страх приёмных родителей открыть ребёнку правду и тревога за отношения.

В ЧЁМ СИЛЬНЫЕ, А В ЧЁМ СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ?

Программа «Семья и дети» Фонда Тимченко приглашает специалистов, приёмных родителей и приёмных детей, усыновителей и усыновлённых к открытой дискуссии. Если вы специалист, что говорит ваш профессиональный опыт? Если вы усыновлённый или член семьи, что показала ваша жизнь?

«Журнал Сид» начинает обсуждение. Мы опубликуем истории и обоснованные экспертные позиции, чтобы вместе с нашими читателями глубоко разобраться в вопросе. Пишите нам на sdjournal@timchenkofoundation.org

Уникальное обучение

ДВЕ МАГИСТРАТУРЫ С БЮДЖЕТНЫМ ОБУЧЕНИЕМ ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА.

ДОКАЗАТЕЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

В Московском государственном психолого-педагогическом университете в 2019-2020 учебном году реализуется не имеющая аналогов в России бюджетная магистерская программа «Доказательное проектирование и оценка эффективности программ в области управления социальными рисками в сфере детства». Это магистратура для специалистов, работающих в НКО, системе образования и социальной защиты, органах правопорядка и других структурах системы профилактики. Магистранты осваивают специальность на примерах ведущих эффективных современных практик, в том числе международных.

Для того, чтобы идея, направленная на профилактику социально-опасных ситуаций и управление социальными рисками в сфере детства, была грамотно и эффективно реализована, специалист должен, во-первых, понимать и хорошо разбираться в причинах, видах, оценке и последствиях социальных рисков в сфере детства, а также знать о возможностях компенсации последствий социальных рисков в рамках определенных правовых механизмов. Во-вторых, специалист должен уметь разработать и логически выстроить свою деятельность по управлению социальными рисками, обосновать необходимость и достаточность методов, применяемых для решения поставленных задач, найти ресурсы для его реализации, воплотить проект в жизнь, управлять им, оценить и проанализировать полученные результаты. Именно эти умения являются основными образовательными задачами данной магистерской программы.

**ПРИЁМ ЗАЯВЛЕНИЙ АБИТУРИЕНТОВ —
ДО 26 ИЮЛЯ 2019 ГОДА
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.**

Контакты

+7 (977) 868-41-99

priemkaUP@yandex.ru

Москва, ул. Сретенка, д. 29,
аудитория 302

Подробнее о программе —
на [сайте факультета](#) и в [презентации](#).

ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Московский государственный психолого-педагогический университет открывает набор в магистратуру «Опека и попечительство в отношении несовершеннолетних» (направление Психолого-педагогическое образование).

Международное и отечественное право, семейная государственная политика, эффективные практики социальной, психолого-педагогической помощи детям и их семьям в трудной жизненной ситуации и при семейном жизнеустройстве, постинтернатное сопровождение, оценка безопасности и благополучия ребёнка в различных условиях воспитания, психолого-педагогическое консультирование законных представителей несовершеннолетнего.

Программа составлена с учётом основных направлений реформирования деятельности органов опеки и попечительства.

**ПРИЁМ ЗАЯВЛЕНИЙ АБИТУРИЕНТОВ —
ДО 26 ИЮЛЯ 2019 ГОДА
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.**

Контакты

Москва, ул. Сретенка, 29, аудитория 206
(деканат), аудитория 312 (кафедры).

+7 (495) 632-90-66

Приёмные часы: пн.пт. 10:00-16:30

Подробнее на сайте
«[Поступи онлайн](#)»

Как работать с детьми, пережившими насилие?

О ЧЁМ ГОВОРИЛИ
НА ПРОФИЛЬНОМ СЕМИНАРЕ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Текст: Катерина Печуричко

РОССИЙСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С СИСТЕМНЫМ ПОДХОДОМ И НАУЧНО-ОБОСНОВАННЫМИ МЕТОДАМИ РАБОТЫ, КОТОРЫЕ ПОЗВОЛЯЮТ ЭФФЕКТИВНО СНИЖАТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ НАСИЛИЯ, А ТАКЖЕ ПРЕДОТВРАЩАЮТ НАСИЛИЕ.

В апреле 2019 года в Санкт-Петербурге состоялся семинар «**Насилие в отношении детей: распознавание, помощь, предотвращение**». Участниками обучения стали российские специалисты из детских домов, социальных центров, служб сопровождения семей, имеющие опыт работы с последствиями насилия. Семинар организовал Фонд Тимченко, в качестве ведущих были приглашены опытные коллеги из Великобритании — Дженни Грей (Jenny Gray), экс-президент Международного общества предотвращения насилия и пренебрежения в отношении детей (International Society for the Prevention of Child Abuse and Neglect, [ISPCAN](#)), и Стивен Пиззи (Stephen Pizze), председатель совета директоров [Child and Family Training UK](#), некоммерческой организации, работающей в области продвижения научно-обоснованных подходов и вмешательств в работе с детьми и семьями.

Организаторы семинара попросили участников прислать описания случаев насилия в отношении детей, с которыми им доводилось работать, и получили характерную картину.

В 30 из 33 полученных кейсов были описаны ситуации насилия в кровной семье — со стороны кровных родителей, отчима, старших детей по отношению к младшим. По видам насилия ситуации распределились следующим образом: 22 — физическое, 10 — психологическое, 10 — сексуальное, 6 — пренебрежение нуждами ребёнка, 14 — сочетание несколько видов насилия.

У большинства специалистов возникают трудности при работе с семьями и детьми: не всегда понятно, верную ли стратегию и методы работы с семьёй и ребёнком они применяют, как вовлекать в работу родителей, не готовых идти на контакт, как измерять результаты своей работы и в какой момент ставить точку в работе со случаем, как увидеть ту грань, где риски для ребёнка перевешивают ресурсы и принимается решение об отобрании ребёнка.

В 30 из 33 полученных кейсов были описаны ситуации насилия в кровной семье — со стороны кровных родителей, отчима, старших детей по отношению к младшим.

Одна из участниц семинара рассказала о двух сёстрах, поступивших в Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Девочки младшего подросткового возраста подвергались насилию со стороны отца: в отношении старшей — сексуальному (действиям сексуального характера) и побоям, к младшей применялось психологическое. В семье использовали детский труд, также отец заставлял девочек и их мать ходить по дому голыми. У специалистов есть подозрение, что родители могли иметь психические расстройства. Сейчас ведётся работа по социально-психологической реабилитации девочек, и у специалистов появляются вопросы, для разрешения которых важно учесть множество тонких нюансов. Например, если понадобятся дополнительные обследования девочек (допустим, приёмная семья пожелает провести медицинское обследование у гинеколога), как подготовить к этому детей и насколько это будет травматично для них? Стоит ли работать в дальнейшем с девочками над темой прощения насильника, если да, то через какой промежуток времени? По каким признакам можно определить, что ребёнок подвергся насилию? Как различить правду и фантазию? Также специалистов интересует,

как подготовить замещающие семьи к принятию детей с подобным опытом.

На семинаре специалисты познакомились с международными тенденциями и ключевыми задачами в области борьбы с насилием, а также с опытом работы английских коллег в сфере профилактики насилия и помощи детям, пережившим насилие. В частности, им была представлена программа «Надежда для детей

и семей: опираясь на сильные стороны, преодолеть трудности» (Hope for Children and Families, HfCF), разработанная как для предотвращения насилия в отношении детей, так и для борьбы с последствиями воспитания, наносящего вред детям, то есть включающего в себя различные виды насилия и пренебрежение нуждами ребёнка. Методическое руководство состоит из 9 сборников, которые охватывают 40 модулей, посвящённых 5 ключевым темам:

- › вовлечение семей и зарождение надежды;
- › работа с родителями для изменения методов воспитания, которые они применяют, отказ от жестокого обращения с детьми;
- › работа с детьми и молодыми людьми, пережившими опыт насилия;
- › работа с детьми, у которых развилось асоциальное поведение как следствие пережитого насилия;
- › работа с семьёй — регулирование отношений в семье и налаживание связей с сообществом, окружением.

Участники семинара получили 3 пособия из этой серии, переведённые на русский язык: «Работа со случаями сексуального насилия над детьми», «Коррекция жестокого обращения с детьми» и «Работа с семьями». Все материалы

составлены таким образом, чтобы даже люди без специального психологического или другого профессионального образования — будь то волонтеры, социальные работники и другие — могли применять предложенные инструменты и работать с семьями.

Ведущие и участники семинара отметили важную особенность ситуаций, в которых происходит насилие над детьми. «Когда-то я работал в учреждении для мальчиков с криминальным прошлым, из-за которого они, собственно, и оказались в том месте, — поделился ведущий семинара Стивен Пиззи. — Сейчас, вспоминая их, я думаю, что многие из них пережили опыт сексуального и, несомненно, эмоционального насилия. Как верно сказала сегодня одна из участниц семинара — эмоциональное насилие и пренебрежение нуждами ребёнка создают контекст, в котором становится возможным сексуальное насилие».

Именно поэтому в работе по предотвращению насилия так много внимания уделяется профилактической работе с родителями, формированию позитивных эмоциональных отношений с ребёнком, снижению стресса у родителей и в целом внедрению концепции позитивного родительства. То есть специалисты понимают, что нужно формировать стабильную среду, в которой родители достаточно внимательны к потребностям детей, имеют надёжные эмоциональные связи, благодаря чему риски физического и сексуального насилия значительно снижаются, а значит, повышается в целом психическое здоровье детей. В 2015 году в Нью-Йорке было опубликовано

второе издание известного руководства [What Works for Whom?](#) [«Что для кого работает?»], основанного на анализе сотен исследований в области психического здоровья детей и подростков. В этой публикации содержатся доказательства того, что изменения в сторону позитивного родительства в большей степени, чем сокращение жестоких и насильственных подходов к воспитанию, влияют на изменение проблемного поведения детей. Уменьшение наказаний является необходимым, но недостаточным условием для улучшения ситуации ребёнка, в то время как позитивное родительство — это необходимое изменение.

В конце семинара участники отметили, что им было очень важно увидеть, как вся та работа, с которой они познакомились на семинаре, встроена в общий международный контекст, какие стратегии и научно доказанные подходы применяются в мире для предотвращения насилия в отношении детей и уменьшения его последствий. ♦

«ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ НУЖДАМИ РЕБЁНКА СОЗДАЮТ КОНТЕКСТ, В КОТОРОМ СТАНОВИТСЯ ВОЗМОЖНЫМ СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ».

Толос ребёнка,

СЕМЕЙНАЯ ОБСТАНОВКА И ДРУГИЕ ТРЕНДЫ

Текст: Юлия Гладова

РЕГИОНЫ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ОБСУДИЛИ УСПЕХИ И СЛОЖНОСТИ В РЕФОРМЕ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ.

На **окружном совещании** в Томске 24-25 апреля обозначили **главные тренды развития учреждений для детей-сирот: условия, приближенные к семейным, сопровождаемое проживание, участие детей в оценке качества, обучающие программы по финансовой грамотности для выпускников.**

Специалисты считают, что организациям надо уйти от деления детей по возрастам, состоянию здоровья, образованию, обеспечить размещение детей в организациях, наиболее приближенных к месту проживания близких значимых взрослых ребёнка, избежать перемещения ребёнка из одной организации в другую по достижении определённого возраста или при изменении состояния здоровья.

На окружных совещаниях руководители детских учреждений рассказывают об успехах и трудностях реформирования, а также о том, какие проекты они реализуют. У них есть возможность понять ориентиры федерального руководства и услышать позицию Министерства просвещения по ключевым вопросам.

Заместитель директора по вопросам опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан «Центра защиты прав и интересов детей» **Марина Лашкул** рассказала о сложностях в заключении трёхсторонних

соглашений между законным представителем, организацией для детей-сирот и органом опеки и попечительства о временном пребывании ребёнка в организации для детей-сирот.

— Экспертная оценка показала, что трёхсторонние соглашения часто заключаются формально. Получается так, что дети находятся в организациях для детей-сирот неоправданно длительное время и на неоправданных основаниях», — отмечает **Марина Лашкул**. По её словам, главная проблема в том, что не рассматривается участие родителей в содержании ребёнка, не создаётся плана помощи родителям в преодолении причины временного помещения ребёнка в организацию, не отслеживаются сроки временного пребывания ребёнка в организации. На сегодняшний день в России нет списка уважительных причин, на который могли бы ориентироваться органы опеки и попечительства. В результате специалисты затрудняются в определении уважительных причин, при которых родители временно не могут выполнять свои обязанности. «Случаи, при которых родители уклоняются от выполнения своих обязанностей, не могут относиться к таким причинам», — уточнила эксперт.

— Нам всегда интересно, как работают наши коллеги в других регионах. И здорово, когда они подробно рассказывают о своём опыте, привозят видео и фотоматериалы, а не только сухие

цифры и таблицы, — говорит председатель Комитета по организации предоставления услуг Департамента по вопросам семьи и детей Томской области **Ольга Галанцева**.

В Томской области с 1 сентября 2015 года все бывшие детдома работают в формате многофункциональных центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей. На их базе действуют школы приёмных родителей, службы сопровождения замещающих семей, реализуются проекты по наставничеству, профобучение, постинтернатное сопровождение выпускников.

— Федеральное руководство сказало вслух, что главное — это не стены, а дети и их благополучие. Все это внутренне понимают, но регионам важно слышать это на федеральном уровне, — отметила консультант Департамента по вопросам семьи и детей Томской области **Юлия Траутман**.

На окружном совещании у регионов есть возможность подсмотреть интересные практики у коллег.

— Нам понравился проект «Личные деньги». Мы хотим системно внедрить в учреждения программы обучения выпускников **финансовой грамотности**, — рассказала **Юлия Траутман**. — Молодых людей будут учить понимать, откуда берутся деньги, как правильно планировать свой бюджет.

Ещё одна тема, которая привлекла внимание томских специалистов, — **сопровожаемое проживание**. В Томской области нет организаций, которые бы ей занимались. Специалисты отмечают, что «регион уже морально готов» перенять такой опыт у коллег. Примером для Томска может стать московский Центр содействия семейному воспитанию «Вера. Надежда. Любовь», чей доклад звучал на совещании.

Выступила руководитель программы «Семья и дети» Фонда Тимченко **Эльвира Гарифулина**. Она рассказала о внедрении технологий оценки с участием детей. Российский и зарубежный опыт показывает, что они помогают улучшать программы и услуги для детей и семей, вдохновляют на дальнейшую работу ради благополучия каждого ребёнка. На сегодняшний день определены четыре принципа участия детей: открытость процесса, обсуждение условий, фокус на позитивных изменениях и гибкость. Этика оценки с участием детей базируется на критериях UNICEF (защите интересов ребенка, конфиденциальности, уважении к различиям, отсутствии манипуляций со стороны взрослых, информированном согласии).

— Мы хотим внедрить систему **оценки благополучия детей** с участием детей на уровне региона. Это будут элементы самоуправления в учреждениях.

Дети смогут сами решать вопросы об условиях проживания, регулировать качество предоставляемых услуг. У нас есть организация в Шегарском районе «Рука в руке» (победитель конкурса «Семейный фарватер» 2016 года — прим. ред.), которая уже внедряет элементы этой технологии, — отметила **Ольга Галанцева**. — В некоторых учреждениях Томской области 80 процентов живущих там сегодня детей имеют особенности в развитии. Большая работа предстоит по разработке адаптированной под них системы оценки.

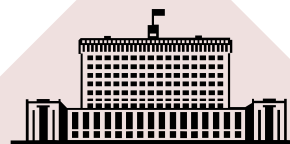
Среди проблем, с которыми сталкиваются специалисты на пути реформирования детских учреждений, — здания, в которых исторически расположены детские учреждения. Часто они не соответствуют современным требованиям — их перестраивают, делают перепланировки, но на это нужно время. Кроме того, чтобы создавать детям домашние условия, нужны средства на современную мебель, предметы обихода. Эксперты отмечают, что регионы стараются, но государственных денег на всё не хватает.

Реформирование детских учреждений по 481 постановлению идёт полным ходом. Совещания по федеральным округам — это способ для специалистов «сверить часы», а для федеральной власти — передать приоритетные поручения и проследить за их выполнением. Ожидается, что реализация постановления полностью завершится к 2022 году. ♦

Новый шаг

В РАЗВИТИИ
СОПРОВОЖДАЕМОГО
ПРОЖИВАНИЯ

Результаты заседания Совета
при Правительстве РФ

Текст: Вера Мельникова

НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
РФ ПО ВОПРОСАМ
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА
В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ
ПОД РУКОВОДСТВОМ
ВИЦЕ-ПРЕМЬЕРА ТАТЬЯНЫ
ГОЛИКОВОЙ 28 МАРТА
РЕШИЛИ РЕФОРМИРОВАТЬ
ПНИ, В ТОМ ЧИСЛЕ
РАЗРАБОТАТЬ АДАПТИВНЫЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ПРОГРАММЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНЫМИ
НАРУШЕНИЯМИ. В ЧЁМ
ИМЕННО ИЗМЕНЕНИЯ?

В начале 2019 года в российских психоневрологических интернатах прошли масштабные проверки с участием некоммерческого сектора, каких раньше не было. Одним из флагманов проверок стала учредитель благотворительного Фонда помощи хосписам «Вера» **Нюта Федермессер**. По итогам она написала в своём блоге: «Система ПНИ — это ГУЛАГ в 2019 году. И строить новые лагеря нельзя. Как и разом закрыть и ликвидировать все имеющиеся. Необходимо постепенно переходить к новым малым формам, а лагеря закрыть для входа новых проживающих, так как больные люди не должны жить в тюрьме, им нужно не наказание, а помощь».

Вопрос о возможных вариантах для жизни выпускников детских домов с ментальными нарушениями обсуждается на государственном

Профессиональная подготовка и обучение — это неотъемлемая часть непрерывного сопровождения жизнеустройства лиц с выраженными интеллектуальными нарушениями развития, как и сопровождаемое проживание.

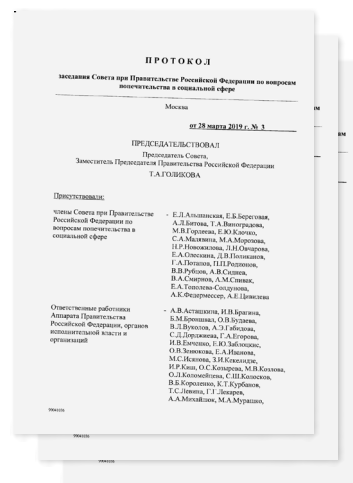
уровне с 2017 года. Если выпускникам учреждений для детей-сирот с интеллектуальной нормой государство предоставляет жильё, то выпускников с ментальными нарушениями переводят в психоневрологические интернаты. Некоммерческий сектор выступает за реформирование этой системы и переход на различные формы сопровождаемого проживания.

По итогам заседания совета 28 марта вице-премьер Татьяна Голикова дала ряд поручений Правительству. В том числе Министерству просвещения РФ поручили разработать адаптивные общеобразовательные программы для людей старше 18 лет, которые живут в ПНИ.

— В России есть адаптивные программы обучения для детей-инвалидов, а вот для молодых людей с ментальными нарушениями, проживающих во взрослых учреждениях, — никогда раньше не было. — говорит директор Центра содействия семейному воспитанию (ЦССВ) «Вера. Надежда. Любовь» **Ирина Шпитальская**. — В основном речь идёт об обучении социально-бытовой и альтернативной коммуникации. Но есть и профессиональная подготовка и обучение. Например, люди с синдромом Дауна хорошо и достаточно долго могут выполнять однообразные операции, что можно использовать в профессиях, связанных с работой на конвейере. Они могут стать упаковщиками, сборщиками. У нас есть успешные примеры, когда люди с ментальными нарушениями работают брошюровщиками и ламинаторщиками. Есть интересный французский опыт обучения профессии садовода. У них разработан набор компетенций по этой профессии. Молодой человек может сам себя оценить, свой уровень, квалификацию. Этот подход мы внимательно изучаем, надеемся адаптировать к нашим условиям и возможностям. Профессиональная подготовка и обучение — это неотъемлемая часть непрерывного сопровождения жизнеустройства лиц с выраженными интеллектуальными нарушениями развития, как и сопровождаемое проживание.

Сразу всех перевести на сопровождаемое проживание не получится. Поэтому параллельно идут несколько процессов: обучение выпускников, подготовка персонала, запускаются тренировочные квартиры. Для организации сопровождаемого проживания возможны разные варианты: отдельные квартиры в жилых

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 28 МАРТА

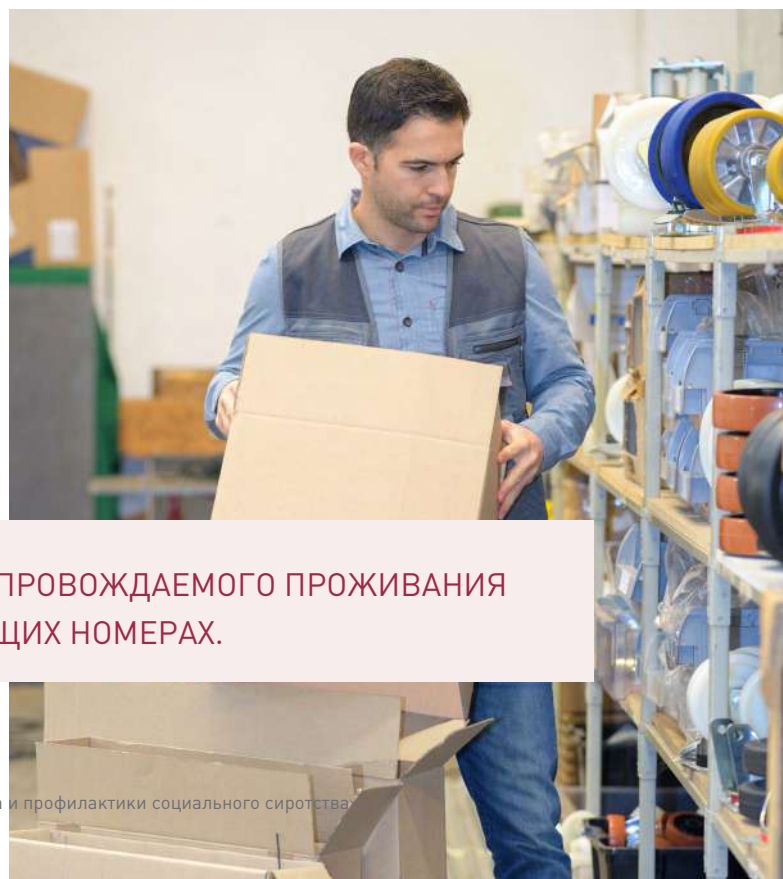

<http://popechitely.ru/pdf/pr-28-2019.pdf>

домах, отделения для молодых инвалидов на базе центров содействия семейному воспитанию и другие.

По статистике Минтруда РФ за 2018 год, в 18 субъектах сопровождаемое проживание реализуется как форма жизнеустройства инвалидов. При этом занимаются вопросом сопровождаемого проживания **64 региона** (проводят подготовку, внедряют учебные технологии). Сегодня около ста шестидесяти тысяч человек всё ещё живут в российских ПНИ.

Промежуточный доклад о реализации поручений назначен на 1 октября 2019 года, финальный — на 1 февраля 2020 года. ♦

«ЖУРНАЛ СИД» СЛЕДИТ ЗА ТЕМОЙ СОПРОВОЖДАЕМОГО ПРОЖИВАНИЯ И БУДЕТ РАЗВИВАТЬ ЕЁ В ПОСЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ.

Буллинг и как с ним бороться

СПЕЦИАЛИСТЫ, ПОБЫВАВШИЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ В МОСКВЕ, ДЕЛЯТСЯ САМЫМ ПОЛЕЗНЫМ

Текст: Юлия Гладова

В МОСКВЕ НА ЕЖЕГОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ДЕТИ, РОДИТЕЛИ, СПЕЦИАЛИСТЫ, ОБЩЕСТВО» ФОНДА «ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС» УЧАСТНИКИ ИЗ ДЕСЯТИ ГОРОДОВ РОССИИ ОБМЕНЯЛИСЬ СВЕЖИМИ ЗНАНИЯМИ ПО РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, ПЕРЕЖИВШИМИ ТРАВМИРУЮЩИЙ ОПЫТ. 15 И 16 АПРЕЛЯ БОЛЬШЕ СТА ДВАДЦАТИ ПСИХОЛогоВ, СОЦРАБОТНИКОВ И ПЕДАГОГОВ ПОМИМО ПРОЧЕГО ОБСУЖДАЛИ, КАК БОРОТЬСЯ С БУЛЛИНГОМ.

Собеседники СиДа, не сговариваясь, отмечают актуальность темы и делятся самым важным, что поняли для себя, — наблюдениями о тьюторстве, супервизии и включении в работу всех специалистов вокруг ребёнка.

На конференции специалисты подчеркнули, что решение проблемы буллинга перестало быть вопросом только для школьного психолога. В последние годы в разбор отношений между обидчиками и жертвой всё чаще вовлекаются учителя и воспитатели.

— Тема насилия в образовательных учреждениях, буллинга, обсуждается шире и признаётся важной уже не только моими коллегами, ей интересуется педагогический состав. И они вводят способы борьбы с буллингом. Повышается психологическая культура, — говорит **Лиана Шубина**, психолог, работающий с детьми в кризисных ситуациях, частный практик. По её словам, прежние методы в школах уже не работают. Психолог отмечает, что ещё по советской образовательной традиции учителя привыкли решать проблемы с ребёнком, вызывая родителей, использовать давление, выступать как карательный орган. Однако сейчас всё чаще классы внутри неоднородны, везде может оказаться ребёнок со сложным опытом или из семьи с проблемами. Психолог уверена, что дети, пережившие разные виды травмирующего опыта, требуют особого подхода с акцентом на социализацию.

Важной находкой специалисты считают супервизорскую службу фонда «Здесь и сейчас». Она создана, чтобы поддерживать педагогические коллективы для корректной работы с ситуацией буллинга.

**ЗДЕСЬ
СЕИЧАС**

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ПОМОЩИ ДЕТЯМ-СИРОТАМ

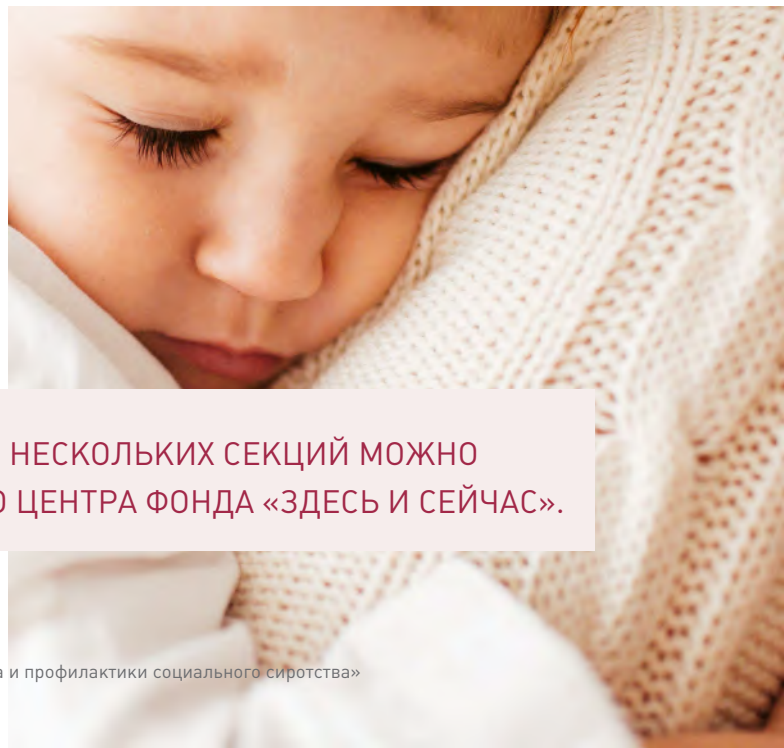
— На конференции я узнала, что есть службы, которые приезжают в школы и работают с педагогическим составом и с классом, в котором буллинг появился. Ещё очень важно для моей практики, что есть поддержка специалистов, работающих с этой темой. Потому что это очень выгорательное направление в профессии. В фонде «Здесь и сейчас» работала, например, супервизорская группа для психологов нашего направления. Уверена, есть и другие похожие точечные программы, они нам очень нужны, — рассказала **Лиана Шубина**.

Педагоги отмечают пользу практических навыков, которыми поделились коллеги на конференции. Специалистам из отдалённых регионов важно своими глазами увидеть новые методики, которые уже освоили столичные коллеги.

— Например, упражнение от психолога «Здесь и сейчас» Екатерины Коровкиной, которое мы точно будем вводить в свою практику. Все делятся на четыре группы, и каждый погружается в роль — наблюдателя, агрессора, жертвы или взрослого. Каждый описывает свои чувства, их мы на ватмане фиксировали, — говорит **Олеся Шугаипова**, социальный педагог Центра содействия семейному устройству города Бугульмы. По её словам, это упражнение эффективно даёт понять природу травли, хорошо прочувствовать и понять все роли, а не только роль жертвы, на которой обычно концентрируются больше всего. Педагог отметила, что практика пригодится как в работе с детьми, оставшимися без попечения родителей, так и в школах, где есть дети с непростой судьбой.

По советской образовательной традиции учителя привыкли решать проблемы с ребёнком, вызывая родителей, использовать давление, выступать как карательный орган. Однако сейчас всё чаще классы внутри неоднородны, везде может оказаться ребёнок со сложным опытом или из семьи с проблемами. Дети, пережившие разные виды травмирующего опыта, требуют особого подхода с акцентом на социализацию.

— Здоровая обстановка в классах, если дети разные, в этом году действительно особенно актуальная тема, она всплывает на многих конференциях и в обсуждениях, — говорит **Айгуль Маломуж**, арт-директор творческого блока региональной общественной организации «Мы вместе!» республики Татарстан. — Лично меня зацепил пример школы в Нижнекамске, где ввели сразу серию методов, в частности взяли на работу тьюторов. В этой школе успешный опыт совместного обучения самых разных детей, в том числе две девочки — невидящие, и есть дети, у которых интеллектуальная отсталость немного присутствует. Это успешный опыт борьбы с травлей в школе, на уровне того, какие создать условия. А ведь тьюторов школы могут теперь брать на ставку, но не все директора к этому пока что морально готовы. Борьба с буллингом — это и о том, чтобы самые разные дети могли учиться вместе. ♦

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ И ВИДЕО НЕСКОЛЬКИХ СЕКЦИЙ МОЖНО ПОСМОТРЕТЬ ➔ [НА САЙТЕ](#) РЕСУРСНОГО ЦЕНТРА ФОНДА «ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС».

«В нашей работе много шаблонов, спасательство — один из них»»

О САМОМ ВАЖНОМ ДЛЯ ПСИХОЛОГА, РАБОТАЮЩЕГО С НАСИЛИЕМ НАД ДЕТЬМИ

Беседу провела Анна Вознюк

ПОЧЕМУ ПСИХОЛОГ ИМЕЕТ ПРАВО НА ЧУВСТВА И, БОЛЕЕ ТОГО, ДОЛЖЕН ИХ ИСПЫТЫВАТЬ? КОГДА ОБЩЕПРИНЯТОЕ СТАНОВИТСЯ НАДЕЖНОЙ ОПОРОЙ, А КОГДА — БЕССМЫСЛЕННЫМИ КЛИШЕ? КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГ **ИРИНА АЛЕКСЕЕВА** ПРЕДЛАГАЕТ СВЕРГАТЬ ШАБЛОНЫ И РАЗРЕШАТЬ СЕБЕ ГОВОРИТЬ «НЕТ».

— **Ирина, в какой момент насилие над детьми стало отдельным направлением в России? С чем это связано?**

— Я клинический психолог и девять лет работала в психиатрической больнице с детьми и подростками в кризисе. Кризис — это самые разные ситуации: смерть близких, попытки суицида, другие острые случаи. Тогда у нас возникла идея отдельно работать с детьми с риском суицида, мы сделали телефон доверия и редкую в то время штуку — круглосуточную службу поддержки. Это был 91 год, и к нам повалил огромный поток людей. Родители переживали ценностный кризис, люди в целом испытывали большой стресс, связь между детьми и родителями нарушилась. Мы впервые столкнулись с многочисленными ситуациями насилия над детьми, и эта тема выделилась в отдельное большое направление. Литературы, проверенных методик — ничего тогда не было. Мы стали подробно разбираться со случаями насилия, работали и с детьми, и с родителями.

Ирина Алексеева — пионер работы с детьми и подростками, попавшими в кризисную ситуацию, в России. Психолог-консультант, генеральный директор Санкт-Петербургского Фонда кризисной психологической помощи детям и подросткам «Новые Шаги», преподаватель Санкт-Петербургского института практической психологии «Иматон». В 90-е работала в подростковом отделении психиатрической больницы, руководила кризисными службами при городской детской психиатрии и наркологии. Работала с жертвами терактов в Беслане и театральном центре на спектакле «Норд-Ост».

Учёба, стажировки — и уже в 93 году в Москве провели первый обучающий семинар для специалистов по теме насилия.

— Помните свои первые эмоции от столкновения с детским насилием?

— Говоря о физическом насилии, мы понимали, что живём в стране, где детей бьют и это норма. Так было принято. Можно вспомнить хотя бы русские поговорки, например: «Воспитывать ребёнка надо, пока он поперёк лавки лежит».

— Но были ситуации, к которым вы оказались морально и профессионально не готовы?

— Главным шоком на первых этапах были истории с инцестом в благополучных семьях. Первое время я не верила услышанному, не доверяла детям, думала — наговаривают. Это была совершенно новая тема, в которой надо было разбираться. Потом мы поняли: у таких семей есть особенности — очень близкий контакт и нарушение границ между членами семьи. Если инцест долго существует, в семье все друг с другом очень плотно связаны, грубо говоря, «все повязаны». Инициатор инцеста держит всё под контролем, возникают очень близкие отношения слияния.

— Выходит, ситуации с просто насилием не вызывали шока?

— Это было менее неожиданно, потому что в России в целом очень терпимое отношение к этой теме. И это то, что мне хотелось бы изменить более всего. Сделать его менее терпимым. Например, начинаешь задавать человеку чуть менее лобовые вопросы, чтобы выяснить его отношение к теме: «В каком возрасте можно бить детей? И в каких ситуациях? А шлёпать можно? А иногда — это как часто?». И всё становится понятно — насилие имеет место быть, но даже не опознаётся. Это просто норма жизни.

— Как специалисту избежать осуждения в отношении такого родителя?

— Осуждение может быть, если ты с ним не работаешь. Но если ты его психотерапевт — конечно, ты должен пытаться его понять. У меня были случаи, когда я отказывалась работать с родителями. Однажды я отказалась работать с матерью, когда увидела, как избит её ребёнок — до синей спины. Хотя она рвалась на терапию. Я просто понимала — мне этого не преодолеть.

— И что тогда делать?

— Работать с ребёнком, а мать направить к другому специалисту.

— Вы разрешаете себе это чувство — «мне можно что-то не преодолеть»?

— Конечно, почему нет? Когда видишь синюю спину ребёнка, это бывает сложно преодолеть. Довольно часто ведь можно понять родителей — не справились, их самих били... Но порой на это понимание не хватает сил. Психологи имеют право на этот отказ.

— Есть чувства, которые вы можете допустить, которые помогают в работе?

— Специалист может допустить сочувствие. А как можно работать без понимания, без присоединения? Дети, например, вообще плохо переносят отстранённость и дистанцию. Когда появились первые удачные проработанные случаи — стало легче. Наверное, это случилось года через три. Вначале было много растерянности, много трудностей. Помогали супервизии, без них в нашей области работать просто опасно. Обсудить ситуацию, поставить правильные цели, выговориться — чтобы не нести это домой. Сейчас у меня большой опыт: мы с командой несколько лет работали со специалистами, детьми и учителями в Беслане, в Чечне с женщинами, потерявшими близких, с жертвами «Норд-Оста». Мы сталкивались там с очень страшными вещами, многое видели.

— Что вам дал этот опыт?

— Установку, что это горе — это не твоя травма, это его травма. Если я заберу её себе, я не смогу работать. Конечно, я сочувствую, присоединяюсь, но это не моя история, и я здесь помогающий. Это совсем другая роль! Это главное.

— Вам близка идея о какой-то миссии? Спасение, помощь, все привычные ассоциации в работе с человеком.

— Идеи спасать и помогать у меня никогда не было — был интерес к психологии человека, какой-то, может, юношеский даже запал. А вообще, идею о пользе или вреде «спасательства», на мой взгляд, слишком насилуют. Я знаю специалистов, которые помогают по разным мотивам, если у них получается вступать с людьми в контакт и эффективно работать — то надо работать. В работе психологов много шаблонов, и «спасательство» — один из

них. А шаблоны вредны. Я считаю так: узнал правило — и забудь его. Тот же треугольник Карпмана, который у всех на слуху, — очень противная вещь. Там есть рациональное зерно, но как только начинаешь прикладывать его к любой ситуации — он становится глупостью. Как сказал Маслоу, когда у тебя в руках молоток, все задачи кажутся гвоздями. Даже прекрасное понятие ответственности — как замылили! Бесконечные «дай ответственность, возьми ответственность». Это понятие превратили в клише, и оно стало вредным.

— **Постулат про ответственность, возможно, симптоматичен для нашего времени? Когда мы учимся брать ответственность за свою жизнь на себя.**

— Думаю, просто у нас долго не было психотерапии, и мы берём какие-то сгустки, на них останавливаемся, движемся поверхностно. Я считаю, что шаблоны — всегда вредны. Можно продолжать приводить примеры. Шаблон об иждивенчестве детей из детских домов — с этим сложно спорить, но если смотреть глубже в суть вещей, что реально-то с ребёнком происходит? Что за этим стоит?

— **Что с ним происходит?**

— Мне кажется, что там он просто лишён самого важного — семьи, и поэтому пытается

компенсировать, закрыть эту «чёрную дыру». Это называется гиперкомпенсацией. А иждивенчество — это ведь оценочный термин, ярлык, который мешает прорваться к ребёнку, к его реальным проблемам.

— **Если честно: не опасаетесь так рушить привычные шаблоны и вызывать непонимание в профессиональной среде?**

— Я уже не в том возрасте (смеется), я умею спорить и обосновывать свою позицию.

— **За все годы работы у вас бывали периоды так называемого выгорания, когда хотелось уйти из профессии?**

— Нет. Мне нравится консультировать. И мне кажется, в этой области я чувствую себя уверенно. Это ведь очень интересная работа. Она крайне осмысленная. Я до сих пор продолжаю совершать для себя открытия даже сейчас — ведь люди меняются, с ними всегда происходит что-то новое.

— **Что важно, чтобы оставаться в профессии долго и не потерять себя?**

— Всё просто: работать командой. Сохранять команду очень важно. Постоянно учиться. И обязательно ходить на супервизии. ♦

Треугольник Карпмана

Психологическая и социальная модель взаимодействия между людьми в транзакционном анализе, впервые описанная Стивеном Карпманом в 1968 году.

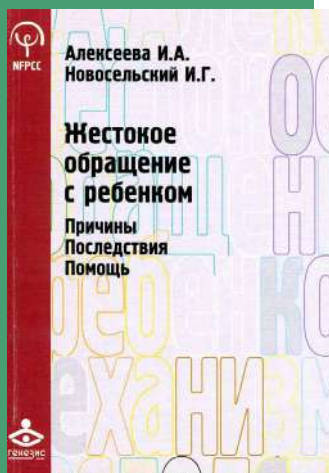
Описывает роли, которые люди часто занимают в манипулятивных отношениях. Персонаж, который играет роль жертвы (**victim**). Персонаж, который оказывает давление, принуждает или преследует жертву, — преследователь (**persecutor**). Спаситель (**rescuer**), который вмешивается, как кажется, из желания помочь ситуации или слабому.

«Работа с детьми, перенесшими психологические травмы. Методика группового тренинга»

В книге описана методика проведения группового коррекционного психологического тренинга для детей, которые пережили физическое, домашнее, сексуальное, эмоциональное насилие, утрату близких. Задача тренинга — снять у детей последствия психотравмирующих ситуаций и нервно-психического напряжения, выработать навыки социальной адаптации к создавшимся условиям жизни, дать психологическую помощь, отработать приёмы поведения в сложившейся ситуации.

«Жестокое обращение с ребёнком. Причины. Последствия. Помощь»

Это обобщение опыта практической работы команды специалистов — психологов, врачей, социальных работников, педагогов, помогающих детям, пострадавшим от физического, эмоционального и сексуального насилия. Первая часть — описание феномена насилия по отношению к детям, диагностика и практические аспекты работы с детьми, пострадавшими от разных видов насилия. Во второй описаны взаимосвязь социального сиротства и насилия, механизмы воспроизведения насилия из поколения в поколение, а также основные мишени психологической работы с детьми группы риска по социальному сиротству. Третья — о том, как организовать помощь: кризисную службу, социально-реабилитационный центр, приют, центр дневного пребывания, как привлечь родителей к сотрудничеству; аспекты оказания психиатрической помощи.

Насилие в семье

ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ,
ПРИЧИНЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Текст: Катерина Печуричко

КАК НАСИЛИЕ НАД ДЕТЬМИ
ВЛИЯЕТ НА ИХ БУДУЩУЮ
ВЗРОСЛУЮ ЖИЗНЬ, ПОЧЕМУ
МАМЫ НЕ ОБРАЩАЮТСЯ
ЗА ПОМОЩЬЮ, КОГДА
ПАПЫ БЬЮТ ДЕТЕЙ,
В ЧЁМ СОМНЕВАЮТСЯ
СПЕЦИАЛИСТЫ, РАБОТАЮЩИЕ
СО СЛУЧАЯМИ НАСИЛИЯ
НАД ДЕТЬМИ, И МОЖНО
ЛИ ЧТО-ТО ИЗМЕНИТЬ
В ОБЩЕСТВЕ, ГДЕ ДАТЬ
РЕБЁНКУ ПОДЗАТЫЛЬНИК
СЧИТАЕТСЯ НОРМОЙ?

Семилетнему Максиму, мальчику с особенностями развития, постоянно достаётся от матери: она может толкнуть его, дать пощечину, отшлёпать, ударить. Часто кричит на него без каких-либо причин, отвергает — «уйди и чтобы я тебя не видела». Оксана, мама Максима, сама пережила в детстве опыт жестокого обращения, и теперь этот способ стал привычным для неё в воспитании детей: старшим доставалось так же, как Максиму. Специалисты, помогающие семье, считают причинами такого обращения не только детский опыт матери, но и её эмоциональную нестабильность. Пока что работа с Оксаной не дала устойчивого результата, но Максиму повезло хотя бы в том, что его мама сама обратилась за помощью в фонд, помогающий семьям в ситуации риска, она готова слышать специалистов и пытаться работать над проблемой.

Четырём дочерям Насте повезло ещё меньше: их мама, выпускница детского дома, вообще не считает насилие в отношении детей проблемой. Нине, старшей из девочек, 7 лет, и именно она больше всех остальных страдает: Настя постоянно кричит на неё, унижает, запугивает,

применяет физическое насилие (шлёпает, даёт подзатыльники, таскает за уши, резко дёргает за руки). Семья находится на сопровождении, психолог ведёт работу с мамой и детьми. Но в картину мира Насти не укладывается идея о том, что жестокое обращение с детьми опасно и имеет долгосрочные негативные последствия. При этом мама заботится о дочерях: дома у них убрано, девочки опрятно и по возрасту одеты, а когда Нина гостила два дня у маминой подруги, Настя звонила ей по три раза в день и спрашивала, как та себя чувствует и что делает. Но на вопросы или замечания специалистов, касающиеся насилия над Ниной, она только смеётся и говорит: «А что такого?».

В картину мира Насти не укладывается идея о том, что жестокое обращение с детьми опасно и имеет долгосрочные негативные последствия.

СТРАТЕГИИ ЛИКВИДАЦИИ НАСИЛИЯ

Глобальная задача, над которой работает сейчас ООН в сотрудничестве со многими государствами и организациями, — положить конец насилию в отношении детей (инициатива End Violence Against Children). Речь идёт о насилии в самом широком понимании: психологическом, физическом, сексуальном. Что подразумевается под каждым видом насилия, прописано в законах тех стран, которые озаботились решением этой проблемы. Видение у всех схожее, например, к психологическому насилию относят не только оскорбления, высмеивание и угрозы ребёнку, но также и ситуации, когда ребёнок становится свидетелем сцен насилия, происходящих в семье. В цивилизованных странах запрещены любые формы физического воздействия — в том числе те, которые в России считаются нормой: например, шлепки, одёргивания. Швеция была одной из первых стран, где ввели законодательный запрет, это произошло еще в 1984 году.

Закона о защите детей недостаточно, чтобы избавиться от насилия.

По такому же пути пошли многие другие страны, но их опыт показывает: одного закона о защите детей недостаточно, чтобы избавиться

от насилия. Изменения в этой области возможны, только если будет принят комплекс мер на уровне государственной и международной политики, и эти меры должны касаться не только непосредственно отношений взрослых с детьми, но также контекста и экономической ситуации, в которых становится возможным насилие.

СТРАШНЫЕ ЦИФРЫ

120 000 000

девочек в мире подверглись сексуальному насилию (каждая десятая)

Шесть из десяти детей подвергаются насильственным дисциплинарным мерам воздействия

По оценкам ЮНИСЕФ (2017)

В 2016 году была опубликована концепция **INSPIRE**, подготовку которой инициировала Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в сотрудничестве с другими организациями — Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ), Управлением ООН по наркотикам и преступности, Всемирным банком и другими. В комплекс INSPIRE входят семь следующих стратегий, совокупность которых образует универсальный механизм для ликвидации насилия в отношении детей:

СЕМЬ СТРАТЕГИЙ INSPIRE

- › принятие и обеспечение соблюдения нормативных актов (**Implementation and enforcement of laws**);
- › нормы и ценности (**Norms and values**);
- › создание безопасной среды (**Safe environments**);
- › поддержка родителей и воспитателей (**Parent and caregiver support**);
- › повышение доходов и улучшение экономического положения (**Income and economic strengthening**);
- › ответные меры и оказание поддержки (**Response and support services**);
- › обучение и формирование жизненных навыков (**Education and life skills**).

Представленные в документе подходы основаны на самых убедительных из имеющихся на сегодняшний день фактических данных и призваны помочь странам и сообществам

сосредоточить усилия на профилактических программах и услугах, имеющих наибольший потенциал для снижения уровня насилия в отношении детей.

КАК ВСЁ УСТРОЕНО

Содержание комплекса INSPIRE подтверждает, что он может быть реализован только с активным участием государства. Несмотря на то, что в России отдельные организации не первый год успешно работают над проблемой насилия, их усилия не могут обеспечить весь необходимый комплекс мер и привести к глобальным сдвигам в решении заявленной проблемы.

— Кто у нас занимается случаями насилия над детьми и отвечает за решение этой проблемы? Никто, — говорит **Галина Семья**, профессор, доктор психологических наук, российский и международный эксперт в сфере детства. — Эта тема брошенная. Проблема жестокого обращения с детьми — как лоскутное одеяло: посшивали с разных сторон, но есть большие дырки. Мы даже не можем толком собрать статистику: есть данные МВД о количестве преступлений, совершённых в отношении членов семьи, в том числе несовершеннолетних детей, есть данные о количестве родителей, лишённых родительских прав (больше двадцати восьми тысяч) и уклоняющихся от своих родительских обязанностей (больше двадцати тысяч), и некоторые другие разрозненные данные. Но это — далеко не все сведения.

Кто у нас занимается случаями насилия над детьми и отвечает за решение этой проблемы? Никто.

В мире работа по ликвидации насилия строится по трём уровням профилактики: первичная — предотвращение случаев жестокого обращения с детьми, вторичная — профилактика рецидивов, третичная — профилактика нарушений здоровья и развития детей, подвергшихся жестокому обращению. Первые два уровня — самые сложные и в то же время наиболее эффективные, так как создают такие условия, в которых ситуации насилия либо невозможны, либо их риски сводятся к минимуму. Именно поэтому в Великобритании и многих других странах ведутся исследования факторов, повышающих риски насилия, и факторов, влияющих на рецидивы случаев жестокого обращения. Результаты исследований становятся основой

для разработки комплексных программ, позволяющих устранить выявленные факторы или уменьшить их воздействие.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

В 2007 году была заключена и подписана [Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений](#). (Конвенция Лансароте — по названию острова в Испании, где состоялось подписание данного соглашения).

Цели Конвенции:

1. предотвращение сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в отношении детей и борьба с ними;
2. защита прав детей-жертв сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений;
3. развитие национального и международного сотрудничества в борьбе с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями в отношении детей.

Страны, ратифицировавшие Конвенцию, соглашаются ввести уголовную ответственность за сексуальные действия с детьми, не достигшими возраста сексуального согласия, вне зависимости от контекста, а также за вовлечение в детскую проституцию и распространение и получение доступа к детской порнографии.

Соглашение вступило в силу 1 июля 2010 года после ратификации пятью государствами. Россия ратифицировала Конвенцию Лансароте в 2007 году (Федеральный закон РФ от 07.05.2013 N 76-ФЗ).

В России верхний уровень пока недоступен, специалисты работают преимущественно на третичном и вторичном уровнях, то есть помогают детям реабилитироваться после уже состоявшегося насилия и пробуют повлиять на ситуацию в семье, чтобы предотвратить повторные случаи или практику применения насильственных методов воспитания. Огромное затруднение в этой работе — это недостаток механизмов, регулирующих ответственность родителей за разрешение ситуации. Если с семьёй работают органы опеки и попечительства, их воздействие сводится к угрозам ограничить взрослых в родительских правах, а затем и лишить их этих прав, а детей отобрать и передать на воспитание в замещающие семьи или в детское учреждение. Если семью сопровождают

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ НАД ДЕТЬМИ

1 ИЗ 10 ДЕТЕЙ

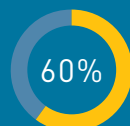
имеет опыт насилия
в возрасте до 18 лет

20% детей подвергаются
сексуальному насилию
в возрасте до 8 лет

90% случаев насилия над детьми совершают
члены семьи или кто-то из окружения,
кого дети знают и кому доверяют

60% жертв детского сексуального
насилия никогда и никому
не рассказывают об этом

1 ИЗ 5 ДЕТЕЙ

подвергается сексуальным
домогательствам в интернете

По данным Национального центра защиты детей, США (National Children's Advocacy Center)

специалисты из профильной некоммерческой организации, им ещё труднее — по закону они не имеют полномочий вмешиваться без согласия семьи, и в случаях, когда родители не признают проблему жестокого обращения и отказываются впускать к себе специалистов для оценки ситуации и выработки дальнейших шагов, тем ничего не остаётся, как отступить, передав дело в органы опеки.

Отличается и объект вмешательства. В России работа ведётся преимущественно с ребёнком и его родителями или опекунами, причём нередко, когда речь идёт о насилии со стороны отцов или отчимов, те не признают проблемы и отказываются вступать в контакт. В странах с передовым опытом круг людей, которые вовлекаются в профилактику насилия, гораздо шире — помимо ребёнка и его родителей, это вся семья (братья, сёстры), виновный в жестоком обращении насильник, расширенная семья (то есть живущие удалённо родственники) и сообщество (ближайшее окружение, соседи и другие).

Сотрудница кризисного центра сопровождения семей в одном из российских городов рассказала о случае из своей работы, который вызвал затруднение. К ним обратилась мама подростка в связи с регулярным насилием, которое применяет её муж по отношению к ней и их сыну, но она отказывается сообщать об этом в полицию или органы опеки, так как боится

мужа. Основная сложность для специалистов заключается в том, что они не знают, как правильно влиять на эту ситуацию в интересах ребёнка и имеют ли они вообще право скрывать по просьбе их клиентки положение дел. Такой ситуации можно избежать, если на государственном уровне будут приняты рекомендации по обеспечению безопасности детей, как это сделано, например, в Великобритании. Первая версия Руководства «Working Together to Safeguard Children» («Работая вместе для защиты детей») появилась около 30 лет назад, последняя версия обновлялась в 2018 году. Этот документ определяет процедуры, по которым специалисты должны работать в ситуациях насилия, а также роль и ответственность конкретных служб и специалистов. В руководстве описаны все стадии работы с семьёй — от обращения, открытия случая, проведения оценки, принятия стратегических решений (будет ли ребёнок дальше жить в семье или его необходимо куда-то переместить на время), также решается, нужна ли междисциплинарная комиссия для работы с данным случаем. Определяются интервалы, через которые пересматривается дело (в случае, если ребёнка перемещают в fosterную семью). Также в этих рекомендациях описаны процедуры, как работать, если жестокое обращение привело к серьёзным травмам или смерти ребёнка, — оцениваются ситуация и предпринятые действия.

ВЛИЯНИЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В российском законодательстве не только декриминализировано домашнее насилие как таковое, но и не закреплено понятие «жестокое обращение с ребёнком», поэтому специалистам, работающим с семьями и детьми, приходится действовать в профессиональных рамках, а не в нормативных. Кроме того, отсутствие этого понятия влечёт за собой ещё одну сложность: как общество в целом, так и конкретные родители не воспринимают насилие как проблему.

По результатам всероссийского опроса, который состоялся в январе 2019 года в рамках проекта Института защиты детства, каждый третий житель страны считает возможным использовать жёсткие насильственные методы, а подзатыльник или шлепок вообще не рассматриваются как жестокое обращение и являются приемлемыми для большинства. Подробнее о результатах исследования читайте на странице 23.

В российском законодательстве не только декриминализировано домашнее насилие как таковое, но и не закреплено понятие «жестокое обращение с ребёнком».

В то же время примерно половина россиян уверены, что отношение жителей нашей страны к применению физических наказаний можно изменить. Опыт других стран подтверждает, что они правы: после введения законодательного запрета на жестокое обращение люди перестают воспринимать физическое и психологическое воздействие на детей как норму. Например, Финляндия в 1981 году провела исследование про отношение родителей к физическим наказаниям и выяснила, что 52% мужчин и 47% женщин считали их допустимыми. В том же году в стране ввели запрет на любые физические наказания, и по результатам опроса 2017 года стало видно, что количество их сторонников заметно уменьшилось — 18% мужчин и 13% женщин.

Помимо нормативной базы на снижение уровня физического насилия хорошо влияет исследовательская и просветительская деятельность. Во многих зарубежных исследованиях говорится о том, что дети, которые подвергаются жестокому обращению (оно включает не только различные виды насилия, но также и пренебрежение нуждами ребёнка), имеют высокий риск долгосрочных деструктивных последствий.

— В мировой практике существует такое понятие, как «неблагоприятные события детства», — рассказывает **Эльвира Гарифуллина**, руководитель программы «Семья и дети» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. — К этим событиям относят психологическое, физическое и сексуальное насилие, пренебрежение потребностями ребёнка, злоупотребление психоактивными веществами в семье, тюремное заключение члена семьи, психическое заболевание в семье и многое другое. Множество исследований показали: если дети имеют в опыте что-то из перечня этих неблагоприятных событий, это влияет на всю их жизнь во взрослом возрасте. И это влияние в сторону ухудшения: у них могут развиваться когнитивные, эмоциональные, поведенческие и другие виды нарушений, они более склонны к различным деструктивным формам социальной адаптации, нередко ведут асоциальный образ жизни, имеют повышенный риск социально значимых заболеваний. В целом закономерность такова: чем выше количество неблагоприятных событий детства, тем больше негативного влияния на взрослую жизнь. Некоторые международные эксперты считают неблагоприятный детский опыт самой большой угрозой здоровью нации.

ФАКТОРЫ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ ПРЕДОТВРАТИТЬ НАСИЛИЕ И ЗАЩИТИТЬ РЕБЁНКА:

- > благоприятная семейная среда и сеть социальных контактов;
- > сообщества, которые поддерживают родителей;
- > стабильные семейные отношения;
- > наличие безопасного родителя (который не применяет жестокого обращения);
- > признание родителями проблемы;
- > готовность родителей взаимодействовать с сопровождающими службами.

Россия в последние годы присоединяется к международным нормам и стандартам, в том числе в отношении защиты и реализации прав детей. Нам необходима тщательно прописанная законодательная база, продуманные процедуры работы по профилактике насилия в отношении детей и по реабилитации детей, перенесших насилие, подготовленные специалисты, которые смогут вести работу с детьми, семьями, их окружением, а также менять общественное мнение в отношении насильственных методов воспитания детей. ♦

Бить или не бить?

КАК РОССИЯНЕ ОТНОСЯТСЯ К ФИЗИЧЕСКИМ НАКАЗАНИЯМ В СЕМЬЕ

Текст: Катерина Печуричко

ОКОЛО ТРЕТИ РОССИЯН ХОТЯТ ИМЕТЬ ЗАКОННОЕ ПРАВО БИТЬ ДЕТЕЙ, НО ОНИ В МЕНЬШИНСТВЕ: ВСЁ ЖЕ БОЛЬШЕ ПОЛОВИНЫ ЛЮДЕЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ ПОДДЕРЖИВАЮТ ЗАПРЕТ ФИЗИЧЕСКИХ НАКАЗАНИЙ.

Чтобы узнать, как граждане России относятся к насильственным методам воспитания детей и можно ли изменить сложившуюся практику применения физических наказаний, социологическая группа «Циркон» в рамках просветительского проекта «Дом под зонтом» Национального института защиты детства опросила 1600 взрослых по всей России. Понимание установок относительно наказаний было необходимо авторам проекта, чтобы в дальнейшем продвигать ценности и идеи позитивного родительства через разработку практических рекомендаций.

По замыслу авторов, отношение к наказаниям изучалось не только среди людей, у которых

есть несовершеннолетние дети, но и среди тех, у кого дети уже выросли, а также среди не имеющих детей. Авторы проекта уверены, что отношение к наказаниям детей в значительной мере определяется сложившимися и передаваемыми от поколения поколению традициями и атмосферой в обществе в целом, а не только в родительской среде.

В целом исследование показало, что устойчивые стереотипы и установки, допускающие и оправдывающие насильственные формы воспитания детей, довольно широко распространены во всех группах российского общества. Степень жестокости наказания опрошенные оправдывают степенью серьёзности проступка, и при оценке конкретных «проступков» жёсткие меры вплоть до физических одобряют довольно много граждан — от половины до двух третей. Больше всего граждан считают, что нужно бить детей за употребление алкоголя или наркотиков и за мелкое воровство — 69% и 68% соответственно. Ещё 51% — за курение, 23% — за прогулы в школе, а 4% — даже за плохие оценки (см. Рис 1).

СООТВЕТСТВИЕ СТЕПЕНИ НАКАЗАНИЯ ПРОСТУПКАМ

Респондентам предложили перечень «проступков» детей и спросили, какие наказания эти проступки должны повлечь — «жёсткое

наказание» (вплоть до физического), относительно «мягкое наказание» (выговор, лишение прогулки или запрет пользования гаджетами) или его можно оставить без наказания вообще?

В то же время консенсуса по вопросу запрета физических наказаний нет: 35% граждан открыто признают возможным использовать жёсткие насильственные методы воспитания детей и выступают против запрета физических наказаний детей, а поддерживают такой запрет 57% опрошенных.

В результате опроса исследователи увидели, что мужчины в целом несколько чаще женщин допускают применение физических наказаний (что отражает сложившиеся гендерные стереотипы), а сельские жители делают это чаще городских. Неожиданно было узнать, что уровень образования не влияет на отношение к наказаниям, но при этом исследователи отметили, что в финансово благополучных семьях детей бьют реже. Подтвердился стереотип о воспитании мальчиков: почти половина россиян полностью и еще более трети — частично — разделяют мнение, что, если мальчик не умеет постоять за себя в драке, он не вырастет настоящим мужчиной. Полностью согласны с этой точкой зрения 54% мужчин и 40% женщин.

А вот молодые родители в возрасте от 18 до 24 лет заметно отличаются от остальных тем, что в гораздо меньшей степени склонны

РИС. 1 СООТВЕТСТВИЕ СТЕПЕНИ НАКАЗАНИЯ ПРОСТУПКАМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ, %

к физическим наказаниям детей. Исследователи объясняют это собственным детским опытом опрошенных, который ещё ярко сохраняется в их памяти и вызывает неприятие наказаний. Но в то же время, независимо от возраста, больше всего в вопросах воспитания люди склонны доверять мнению старшего поколения — дедушек и бабушек. Около трети россиян выразили готовность прислушаться к разъяснениям психологов и педагогов, хотя по факту обращение за профессиональной помощью со стороны родителей встречается редко. Опрос показывает, что лишь 1% россиян предпочел бы в сложной ситуации в первую очередь обратиться к специалисту за советом, и этот показатель одинаков во всех социально-демографических группах населения и не зависит ни от возраста, ни от образования, ни от места жительства, ни от семейного положения и наличия или отсутствия детей у респондента.

Помимо общих представлений и отношения к наказаниям, у респондентов выясняли, как они применяют наказания на практике. И здесь оказалось, что в отношении своего ребёнка (настоящего или «условного») в воображаемой ситуации участники опроса очень сдержанны. Большинство респондентов (60%), заявили, что на практике они бы в первую очередь обсудили с ребёнком ситуацию и способы её разрешения. Также почти каждый пятый (18%) — использовал бы методы эмоционального воздействия (пристыдил, отругал); 13% сразу бы прибегли к наказанию, причём половина из них (6%) — к серьёзному, другая половина

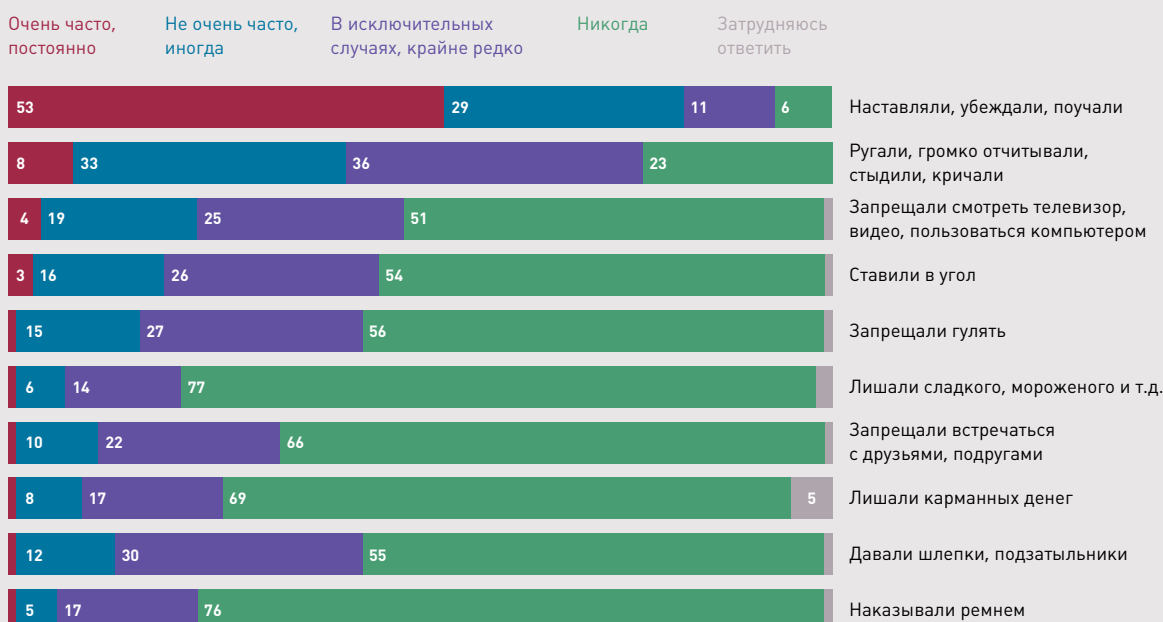
(7%) — к мягкому. Напомним, речь идёт о «серьёзном» проступке ребёнка, за который половина и более респондентов считала бы возможным применить жёсткое наказание, когда речь шла о «детях вообще» (см. Рис.1). Очевидно, что общие представления о том, «как должно быть», расходятся с реальностью, когда речь заходит о конкретном собственном ребёнке.

Также респондентам, имеющим или когда-то имевшим детей, задавали вопрос о том, какие методы воспитания они применяли и как часто. Выяснилось, что 76% никогда не наказывали своих детей ремнём, 77% никогда не лишали их сладкого, 55% никогда не давали им шлепков и подзатыльников, 53% очень часто наставляли, убеждали, поучали (см. Рис. 2).

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ МЕТОДЫ НАКАЗАНИЙ

Авторы исследования отмечают: при анализе практик применения наказаний детей «важно помнить, что речь идёт о декларациях в рамках опроса». В последние годы физические наказания считаются социально не одобряемым поведением, и в том числе в российском информационном поле их подают в таком контексте. Это позволяет предположить, что не все респонденты рискнули признаться в применении физического насилия или, по меньшей мере, в частоте его применения. Таким образом, с учётом декларативного характера ответов масштабы применения физических наказаний к детям не так уж малы, как могут показаться на первый взгляд, а в реальности, скорее всего, более обширны.

РИС. 2 ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ МЕТОДЫ НАКАЗАНИЙ, %

В том, что общее отношение людей в нашей стране к применению физических наказаний детей может измениться, уверены лишь около половины россиян, в то время как более трети (37%) в это вовсе не верят. Это означает, что значительная часть сограждан считает устойчивыми либо свои собственные установки, либо установки других россиян, что подтверждает тезис о наличии в российском обществе глубоко укоренённых культурных стереотипов, связанных с применением физических наказаний к детям. ◆

ПОЛНЫЙ ОТЧЁТ
ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МОЖНО
ПРОЧИТАТЬ [➔ ЗДЕСЬ.](#)

АВТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАМЕРЕНЫ МЕНЯТЬ ЭТИ УСТАНОВКИ: ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ **ОНИ ЗАПУСТИЛИ ПРОЕКТ «ДОМ ПОД ЗОНТОМ».**

В рамках которого будут вести информационно-просветительскую кампанию для родителей детей школьного возраста, продвигать ценности позитивного родительства и доверительных отношений с детьми, а также мотивировать родителей обращаться за профессиональной помощью в случае возникновения проблем.

dom-pod-zontom.ru

Позиция на вырост

ДЕТЕЙ СПРОСИЛИ,
ЧТО ОНИ ХОТЯТ ЗНАТЬ
О БУДУЩИХ ПРИЁМНЫХ
РОДИТЕЛЯХ

Беседу провела Вера Мельникова

ИССЛЕДОВАНИЕ «ХОЧУ ВСЕ
ЗНАТЬ О БУДУЩЕМ ПРИЁМНОМ
РОДИТЕЛЕ» ОБЛАСТНОГО
ЦЕНТРА СОПРОВОЖДЕНИЯ
ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ

➔ **МГОУ** — ОДИН ИЗ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА
«ГОЛОС РЕБЁНКА: ДЕТИ
КАК ЭКСПЕРТЫ ОПЫТА».
КАНДИДАТЫ В ПРИЁМНЫЕ
РОДИТЕЛИ ВСЕГДА ПОЛУЧАЮТ
ДОСТАТОЧНО ИНФОРМАЦИИ
О ДЕТЯХ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИДУТ
С НИМИ ЗНАКОМИТЬСЯ. А
ВОТ РЕБЯТАМ НЕ ПРИНЯТО
РАССКАЗЫВАТЬ, КАКИЕ
ЛЮДИ К НИМ ПРИДУТ. ПОД
РУКОВОДСТВОМ НАУЧНОГО
КОНСУЛЬТАНТА НАТАЛЬИ
БУСЫГИНОЙ СПЕЦИАЛИСТЫ
ИЗУЧИЛИ, ХОТЯТ ЛИ ДЕТИ
ЗНАТЬ О БУДУЩИХ ПРИЁМНЫХ
РОДИТЕЛЯХ И ЧТО ИМЕННО ИМ
ИНТЕРЕСНО. РУКОВОДИТЕЛЬ
ПРОЕКТА **ИРИНА МЕРКУЛЬ**
РАССКАЗАЛА О РЕЗУЛЬТАТАХ.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА «ГОЛОС РЕБЁНКА»

В Москве прошла презентация исследований — победителей конкурса Фонда Тимченко «Голос ребёнка: дети как эксперты опыта». Пятнадцать организаций получили финансирование и консультационную поддержку для проведения прикладных и оценочных исследований с участием детей и молодых взрослых в области профилактики и преодоления последствий социального сиротства.

Темы — от сопровождаемого проживания до безопасности в интернете. Условие — привлечь детей в качестве полноправных участников процесса.

По мнению организаторов конкурса, оценка с участием детей не только даёт возможность увидеть ситуацию с позиции детей и понять, что для них важно, узнать их мнение, но и даёт ребёнку возможность пережить опыт, которого у него до этого практически не было. Дети не привыкли, что их мнение кому-то важно. По мнению кандидата социологических наук, руководителя программы «Семья и дети» **Эльвиры Гарифулиной**, важный результат — это ситуация, когда ребёнок чувствует, что его услышали, что он интересен. Такой опыт оказывается развивающим и воодушевляющим как для детей, так и для взрослых.

Полгода под научным руководством специалисты-практики изучали проблемные вопросы с помощью методик, предусматривающих участие детей. Результаты полностью применимы к работе. Они открывают «слепые пятна», позволяя вывести отношения с детьми и семьями на новый уровень. «Журнал Сид» будет знакомить читателей с самыми интересными исследованиями-победителями конкурса в этом и последующих номерах.

— **Ирина Анатольевна, как вы считаете, может ли ребёнок адекватно оценить свои желания и потребности и решить сам за себя, что ему нужно?**

— Подростки пятнадцати-семнадцати лет задумываются о своём будущем, в том числе о взрослых, рядом с которыми они могли бы быть, приёмных родителей, наставниках. А вот у ребят десяти-одиннадцати бывают затруднения в ответах, из чего мы сделали вывод, что не все знают и понимают свои возрастные потребности. Этому их тоже надо учить. Чтобы ребёнок не вырос инфантильным, чтобы к восемнадцати годам он был зрелой личностью. Мы много лет ни о чём не спрашивали детей, это привело к тому, что выросли целые поколения несамостоятельных людей, которые не умеют делать выбор, не умеют формулировать свои желания. Формировать активную жизненную позицию нужно, начиная с подросткового возраста (и даже раньше). Иначе человек будет всегда зависеть от взрослого, который с ним рядом.

— **Как возникла идея спросить детей, что им интересно? Ведь никогда раньше не спрашивали.**

— Нас очень заинтересовала идея учёта мнения ребёнка, когда её поднял Фонд Тимченко, с которым мы давно сотрудничаем. Это тема, которая выпадает даже из нашего законодательства. С одной стороны, согласно Семейному кодексу, мы должны учитывать мнение ребёнка о детско-родительских отношениях, об условиях проживания. Но подробно мы детей до восемнадцати лет ни о чём не спрашиваем, не слышим их голос. Поэтому идея эта — прорывная. Я вхожу в рабочую группу по законопроекту Министерства просвещения РФ о защите прав и интересов

детей. Мы обсуждали вопрос подбора кандидатов в приёмные родители для ребёнка. На одном из заседаний я сказала: «Уважаемые родители, давайте рассуждать, равные ли позиции у детей и у кандидатов. Кандидаты, когда приходят в детский дом, знают о ребёнке уже очень много информации: пол, интересы, увлечения, группу здоровья. А ребёнок абсолютно ничего не знает о человеке, который придёт к нему знакомиться. То есть первая встреча — вообще вслепую. Это неравные позиции, и это неправильно. Ребёнок тоже имеет право получить информацию о кандидате». Это такая идея была. Откуда ребёнок может получить информацию о кандидате и что вообще интересует ребёнка? Фамилия, имя, отчество, место проживания либо ещё какая-то информация? Мы предполагали, что ему может быть интересно узнать о составе семьи, какие-то факты из их личной жизни.

— **Как вы исследовали, что именно хотят знать дети?**

— Мы выезжали в пять детских домов Московской области. Целевая группа — подростки от десяти до пятнадцати лет, которые находятся в организациях для детей-сирот и подлежат семейному устройству. Эти дети уже могут сформулировать, что им интересно знать. Их позиция активна. И потом, с десятилетнего возраста по закону положено спрашивать мнение ребёнка об устройстве. Эти факторы определили для нас целевую группу. Мы составили анкету, подготовили интервью, разбили детей на три группы: младшие подростки, старшие подростки, юноши и девушки. Мы выявили, что младшие подростки не умеют формулировать вопросы о том, что они хотели бы узнать. Как правило, на вопросы они отвечали «да», «нет» и «что расскажут, то и будет». Дети не знают своих потребностей. А более старшие ребята задумываются, какая может быть семья, что они хотели бы знать о приёмных родителях.

— **Может сложиться впечатление, что предлагается подбор по параметрам. Знаете, как бывает, детей пытаются выбрать: тёмненьких или светленьких, мальчика или девочку. Так и тут, только в обратную сторону.**

— Конечно, нет. Как мы можем на ребёнка возложить такую ответственность выбора? Он не может однозначно сделать выбор даже в магазине. Ему всегда должен помогать взрослый человек. Тем более, если речь идёт о судьбе ребёнка. Просто нужно рассказывать о кандидатах, которые хотят с ним познакомиться. А дальше,

безусловно, должно быть очное знакомство. Это ни в коем случае не барьер. Это представление о кандидатах. Когда мы запускали этот проект, мы не ставили целью отбор. Когда ребёнок говорит: «Хочу» или «Не хочу». Нет. Это подготовительный этап с ребёнком, когда ему дают информацию до того, как он познакомится с кандидатом. Это работа, которая должна предшествовать очным встречам, готовить ребёнка и давать информацию о кандидатах. Правильно обсуждать это с ребёнком должен специалист, который работает в учреждении.

Формировать активную жизненную позицию нужно, начиная с подросткового возраста (и даже раньше). Иначе человек будет всегда зависеть от взрослого, который с ним рядом.

— Могут ли результаты такого опроса повлиять на решение ребёнка о знакомстве с кандидатом? Может ли он решить не встречаться с потенциальными приёмными родителями, если ему не понравилась информация, которую он получил?

— Это задача специалиста, который работает с ребёнком. Специалист, я считаю, должен быть заинтересован в устройстве ребёнка в семью. Важно правильно подать информацию. Мы как специалисты просто говорим, что определённые люди хотят с тобой познакомиться, где они живут, сколько у них детей, чем они увлечены. И дальше ребёнок знакомится, имея представление о кандидатах. Вот представьте ситуацию, когда ребёнок абсолютно ничего не знает и его вводят в комнату, где находятся чужие взрослые люди. Это неправильные и неравные позиции. Ребёнок должен знать, понимать и уметь сформулировать вопросы, которые он хочет задать кандидатам. Как минимум для того, чтобы сама встреча и для него прошла эффективно. И сам должен уметь отвечать на вопросы. Двум сторонам за короткий промежуток времени нужно получить максимальное количество информации друг о друге, ведь вхождение ребёнка в семью — это двухсторонний, на самом деле, процесс.

— Получается, когда вы даёте ребёнку информацию о людях, с которыми ему

предстоит познакомиться, вы работаете со страхом неизвестности, снимаете тревожность?

— Конечно. А сам опрос показал, что именно интересно ребятам.

— А какие-то особенные запросы прозвучали?

— Например, для некоторых важно остаться в регионе, где они живут. Кто-то сказал, что ему нужно знать, есть ли животные в семье, потому что у него аллергия. Спрашивали, есть ли на новом месте школа, спортивные секции, какой транспорт в микрорайоне, есть ли кинотеатр, центр детского творчества. Ещё детям интересно, какие есть семейные традиции, праздники, какие методы наказания и поощрения приняты, как разделяются семейные обязанности. Также были комментарии по религии.

— А вот, кстати, как быть, если речь идёт о религии? Идти на поводу у ребёнка?

— Если ребёнок из мусульманской семьи ходил в мечеть и у него есть определенный опыт, то, возможно, он имеет право на такое мнение. Тогда кандидаты должны сказать, как они будут решать этот вопрос. А задача специалиста — быть посредником между кандидатом и ребёнком. Если мы выбираем между тем, что ребёнок не знает, в какую семью он попадёт, и тем, что знает, то задача специалиста — разъяснить эти нюансы. Если ребёнок тянется к православию, то нужно у будущих родителей узнать, смогут ли они создать ему нужные условия. У маленьких таких пожеланий не было, они просто говорили: «Да, мы хотели бы знать». А вот шестнадцати-семнадцатилетние подростки могли сказать,

что хотят, чтобы семья была религиозной, но без фанатизма. И они имеют право на это.

— Интересен процесс нахождения компромисса.

— Специалист должен прояснить все тонкости. Или, например, если ребёнку семнадцать, то нужно понимать, что в месте проживания должны быть профессиональные образовательные организации. Если их нет — понимать, как этот вопрос будет решаться кандидатами. Это нужно знать и не идти в тёмный лес с закрытыми глазами. Также важно сразу определить, как приёмные родители будут поддерживать с ребёнком отношения после совершеннолетия.

— Есть представление, что в детском доме ребёнок ждёт хоть какую-нибудь семью.

— Мы беседовали с тридцатью ребятами. Из них было несколько человек, которые сразу сказали: «Мы в приёмную семью не хотим». Мы спросили, почему. Оказалось, что они общаются с кровными родственниками. И они пояснили: важно, чтобы их приёмные родители разрешали им общаться с родственниками. Если бы мы не провели такого исследования, никогда бы не узнали, что он всё-таки хочет в семью, но не в любую.

— Но как сделать, чтобы дети пошли на контакт? Как спросить так, чтобы получить искренний ответ?

— Практически каждый психолог владеет этими навыками проведения беседы, интервью. Поэтому проблем не было, несмотря на то, что ребята нас видели впервые. Ни один ребёнок не отказался отвечать на вопросы. И желающих было даже больше, чем мы приглашали, сработало сарафанное радио. Дети подходили и говорили: «Мы тоже хотим с вами поговорить». Я думаю, мы задавали вопросы, которые им не задавали раньше.

— Как вы считаете, возможно ли повсеместное внедрение таких опросов?

— Это не просто возможно, а необходимо. При устройстве ребёнка в семью решение принимает родитель. Органы опеки и попечительства проверяют, всё ли в порядке с документами. А ребёнку отводится пассивная роль. И это мы говорим о подростках, которым, на минуточку, может быть пятнадцать-шестнадцать лет. В детском доме они про семью знают только

по слухам и «ужасикам», которые друг другу пересказывают. И когда они не знают ничего о кандидате, они сразу говорят: «Нет». Просто потому что в детском доме спокойней и привычней. Если кандидаты в приёмные родители будут рассказывать о себе, это поможет сгладить данный протест.

— Не приведёт ли такой опрос к взаимной каталогизации детей и родителей?

— Мы не говорим о создании банка данных, хотя у нас же есть банк данных детей. Кандидат в приёмные родители сначала знакомится с детьми через федеральный или региональный банк данных. Если появится банк данных родителей — это будет хороший инструмент для специалистов детских домов. Они смогут при подготовке ребёнка подобрать для него ту семью, где ему будет комфортно. ➔ По 481 постановлению, пункт 51, часть «ч», в структуре детского дома должна быть служба по устройству детей и по сопровождению замещающих семей. И если, например, специалисты службы не могут из имеющегося списка подобрать кандидатов для ребёнка с ОВЗ, то они смогут запросить информацию из банка данных другого детского дома. Это неплохой вариант. Никто не отменяет последующие процедуры, мы говорим о подготовительном этапе. Специалистам в детском доме такая база могла бы помочь в подборе. Сейчас только кандидаты ищут ребёнка. Специалисты искать семью не могут, недостаточно инструментов.

— Что нужно сделать, чтобы научить специалистов искать семью для ребёнка?

— Мы должны учить специалистов правильно направлять наших кандидатов, когда они проходят школу подготовки родителей. Для того, чтобы кандидаты не боялись рассказывать ребятам о себе. У нас сейчас почти половина выпускников этих школ не обращаются в органы опеки и попечительства. Они себе создали идеальный образ ребёнка дошкольного возраста, которого они хотят принять в семью, но у нас таких детей практически нет. Специалист может сказать: «Раз вы проходили школу, давайте подумаем, какой шаг мог бы быть следующим?». Может, кто-то из них готов к воспитанию ребёнка более старшего возраста. Конечно, специалисты должны помогать и подсказывать. Нужно говорить, что можно рассказать о себе ребёнку, и «если вы сделаете шаг навстречу ребёнку, то и он сделает шаг навстречу вам». ♦

Победа от агрессора: пункт главный

ЧЕМ ПОМОЧЬ МАТЕРИ С ДВУМЯ ДЕТЬМИ, ЧТОБЫ ОНА НЕ ВЕРНУЛАСЬ К ДОМАШНЕМУ НАСИЛЬНИКУ?

Текст: Елена Кириллова

В ИЮНЕ 2017 ГОДА ЕЛЕНА РАЗВЕЛАСЬ С МУЖЕМ, КОТОРЫЙ ЗВЕРСКИ ИЗБИВАЛ ЕЁ И ДЕТЕЙ. ДЕВУШКА ИЗ ИЖЕВСКА ОСТАЛАСЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ С ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ДОЧКОЙ И ДВУМЯ ГОДОВАЛЫМИ БЛИЗНЕЦАМИ НА РУКАХ. В ЧУЖОМ ГОРОДЕ ПОМОЩИ ЖДАТЬ БЫЛО НЕОТКУДА, ДЕНЬГИ СТРЕМИТЕЛЬНО ЗАКАНЧИВАЛИСЬ. ОПЕКА ПРЕДЛОЖИЛА ОТДАТЬ ДЕТЕЙ В ДОМ РЕБЁНКА, ЧТОБЫ ЕЛЕНА МОГЛА ВЫЙТИ НА РАБОТУ. НО ЗАЧЕМ РАЗЛУЧАТЬ ДЕТЕЙ С ЛЮБЯЩЕЙ МАМОЙ? ТАК ЕЛЕНА ОКАЗАЛАСЬ В ТУПИКЕ, ИЗ КОТОРОГО ЕЙ ПОМОГЛА ВЫБРАТЬСЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ➔ [«ПАРТНЁРСТВО КАЖДОМУ РЕБЁНКУ»](#). ЧТО ИМЕННО БЫЛО ЕЙ НУЖНО?

«ПОНЯЛ, ЧТО НИКУДА НЕ ДЕНУСЬ»

Миниатюрная молодая блондинка, большие зелёные глаза, она приехала в офис «Партнёрства» с двумя близнецами-трёхлетками, Богданом и Милой. Дети одеты в одинаковые курточки и шапочки, различаются только цветом: у Милы всё розовое, у Богдана — голубое. Елена не хотела рассказывать о прошлом, но, когда попросили психологи из «Партнёрства», согласилась. Она улыбнулась:

— Ведь у меня перед вами должок.

Не все жертвы домашнего насилия готовы открыто рассказывать про свой опыт. Точнее — практически все не готовы. Иногда даже самым близким, потому что стыдно. Психолог «Партнёрства» **Альбина Шестакова** уверена: если рядом есть близкие, которые внимательно относятся к звонкам, общению людей, то они сами рано или поздно заметят, что что-то не в порядке.

— Всё было хорошо, пока я не забеременела. Тогда он начал надо мной откровенно

За 2018 год «Партнёрство каждому ребёнку» выявило: 18 % их подопечных семей попали в сложную жизненную ситуацию из-за агрессии отца к матери и детям. Таких случаев всё больше с каждым годом.

ПАРТНЁРСТВО
СОВЕТУЕТ

Ирина Малкина-Пых

ПСИХОЛОГИЯ
ПОВЕДЕНИЯ ЖЕРТВЫ
[Читать](#)

издеваться. Первый раз он меня избил на шестом месяце беременности, было сотрясение мозга. Понял, что я никуда не денусь, — рассказывает Елена. — Потом, когда я вышла из роддома, началось. Сначала с малого: пощёчины, таскал за волосы. Хотя предпосылок никаких не было. До беременности мы встречались год, он меня ни разу даже дурой не назвал. Я всегда была «котиком» и «солнышком» для него. Родители вроде у него нормальные. Пока девушка рассказывает, близнецы сидят тихо, рассматривая подаренные «Партнёрством» новые игрушки.

После появления близнецов супруги собирались уехать из Петербурга. Беременная избитая Елена решила, что не будет заявлять на мужа в местную полицию, ведь потом придётся ездить на разбирательства, будут вызывать в участок. Это уже потом, когда переезжать передумали, она обращалась в правоохранительные органы, а там говорили, что это обычная «бытовуха», и дела не заводили. Спустя год всё-таки удалось снять побои и завести дело по статье «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». Мужчине присудили сто пятьдесят часов исправительных работ. Елена говорит, часть часов списали за взятку.

— Лучше бы детям денег дал, — горько комментирует она. Сейчас у бывшего мужа Елены две судимости за жестокое обращение с женой. Сложно поверить, что эта энергичная девушка с круглой чёлкой и «кошачьими» стрелками на глазах пережила перелом носа и шесть сотрясений мозга.

— Волосы выдирал клоками. Раньше я об этом со слезами рассказывала, но уже год прошёл, теперь вроде успокоилась, — рассказывает

Елена, — он мне голову «сломал». Уничтожил меня как личность, загнобил. Вернуть мозги на место непросто, это очень длительная работа.

Муж унижал и оскорблял её, говорил, что, когда полюбил её, она была хорошей и красивой, а теперь стала серой мышью. Доставалось от агрессора и младенцам. Детям ещё не было года, когда отец начал их бить. Однажды пьяный муж Елены закрылся с детьми в квартире и уснул. Девушка не могла попасть внутрь, вызвала МЧС. С тех пор муж стоит на учёте в опеке.

ПАРТНЁРСТВО
СОВЕТУЕТ

Конрад Лоренц

АГРЕССИЯ (ТАК
НАЗЫВАЕМОЕ ЗЛО)
[Читать](#)

ПАРТНЁРСТВО
СОВЕТУЕТ

Ланди Бэнкрофт

МУЖЬЯ-ТИРАНЫ. КАК ОСТАНОВИТЬ МУЖСКУЮ ЖЕСТОКОСТЬ

[Читать](#)

— Главный аргумент — это дети. Мамы не хотят оставлять ребёнка без отца, поэтому терпят насилие. И, как правило, они финансово зависимы от мужа или им просто некуда пойти, — рассказывает **Альбина Шестакова**.

«НАЗАД ДОРОГИ НЕТ»

Выгнать агрессора непросто: он не хочет уходить, а жертва часто продолжает надеяться на лучшее.

— Агрессоры — очень продуманные люди. После того, как произошёл акт насилия, он извиняется. Обещает, что больше не будет,

возвращает жертву к себе. В этот момент важно найти в себе ресурс не допустить повторения. Это цикл, из которого нужно вырваться, — говорит психолог «Партнёрства». Для Елены главным ресурсом стали дети.

После двух судов, когда уже все окружающие были в курсе, Елене удалось выгнать супруга. На вопрос, как именно, она уклончиво отвечает: «Помогли». Он ушёл, но помогать с тремя детьми отказался. Девушка осталась в съёмной квартире, срок аренды которой вот-вот закончится. Годовалых Милу и Богдана оставить одних было нельзя.

— Муж пытался вернуться и сейчас пытается. Видимо, других отношений не получается ни с кем. Но назад дороги нет, — твёрдо говорит девушка. — Больно было осознать, что у детей не будет нормального папы. Они ему не нужны.

После двух лет домашнего террора Елена не хочет никакой семейной жизни. Опасается, что встретит ещё одного агрессора. Чёткое убеждение, что Елена не примет обратно мужа, сформировалось не сразу. Помогла работа с психологом, выход на работу и забота о детях. Переключение внимания не даёт думать о возвращении к этим отношениям. Она признаётся, что иногда всё равно «накрывает», начинает вспоминать хорошие моменты.

Но если насилие произошло в семье однажды, то, скорее всего, оно будет повторяться снова и снова. Статистика на этот счёт неумолима.

— По опыту специалистов, главный признак того, что насилие произойдёт в будущем, — это то, что оно уже происходило в прошлом, — рассказывает руководитель службы профилактики, защиты и реинтеграции «Партнёрства»

ПАРТНЁРСТВО
СОВЕТУЕТ

Врачи — детям

ПОСОБИЕ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ, ПЕРЕЖИВШИМ НАСИЛИЕ»

Юлия Гонтаренко. Без серьёзной проработки и терапии система отношений между членами семьи, как правило, не меняется.

СВИДЕТЕЛИ

Старшая дочь видела, как муж бил Елену. Мать переживала, что у девочки будет травма. Но психологи отмечают, что на ней страшные воспоминания почти не отразились.

— Таких понятий, как «свидетель насилия» или «психологическое насилие», в законе нет. Но с точки зрения психологии, конечно, если ребёнок видит, как маму бьют, это влияет на его развитие, на формирование представления о том, что такое «хорошо» и «плохо». К сожалению, никто не ведёт статистику именно по свидетелям насилия, но когда начинаешь выяснять, оказывается, что практически каждый второй так или иначе может войти в эту статистику, — комментирует Гонтаренко.

Родственники супругов знали об избиениях, но повлиять на мужа-агрессора не смогли. К тому же вся родня в Ижевске, а Елена — в Петербурге. Возвращаться обратно она не хотела, мечтала, чтобы дети выросли в большом городе.

— Так получилось, что мне помогли чужие люди, поддержки от близких, к сожалению, не было, — рассказывает Елена.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ

Так что же смогли сделать для Елены чужие люди?

— Женщине, испытывающей жестокое обращение, необходимо общаться с психологом или близким человеком, например, подругой.

Если она сама не уходит от агрессора, важно ей объяснить, что она несёт ответственность не только за себя, но и за детей. Нужно сфокусировать внимание жертвы на том, что её дети попали в небезопасную ситуацию, — советует психолог **Альбина Шестакова**. — В первую очередь нужно найти убежище: у друзей, родственников. Можно анонимно позвонить на горячую линию, обратиться в специальный кризисный центр.

«Партнёрство каждому ребёнку» не занимается прицельно проблемами насилия в семье. Миссия организации — сохранить семью для ребёнка. Но всё чаще оказывается, что дети в зоне риска именно из-за жестокого обращения с ними или мамой. Организация сотрудничает с районными органами опеки и попечительства Санкт-Петербурга. Поскольку муж стоял на учёте, Елена ходила в комитет, была знакома со специалистами. Когда она осталась без денег и жилья, опека предложила отдать детей в дом ребёнка на время первых заработков. И между делом посоветовала обратиться в «Партнёрство». Программа организации и работа с психологом дали уверенность, что можно справиться самой, не отдавая детей в дом ребёнка, и не зависеть от мужа.

— Елена обратилась к нам в момент, когда она вот-вот могла остаться с детьми на улице. Мы понимали, что детки мамы и их разлучать нельзя. Мы поддерживали их четыре месяца, ждали, пока Елена полноценно выйдет на работу, а дети пойдут в сад, — рассказывает специалист по социальной работе «Партнёрства» **Ольга Моисеевкова**.

Чтобы не отрывать детей от мамы, ей на помощь пришла профессиональная семья, которая подменяла Елену только в рабочее время. Во все остальные дни дети оставались с родной мамой. Профессиональная семья была обучена и верифицирована «Партнёрством». Эти люди прошли строгий отбор и состоят в базе семей, которые могут взять детей на временное размещение, пока не разрешится кризисная ситуация у кровных родителей.

Психологи организации уверены: любое размещение ребёнка в интернатном учреждении травмирует его психику, отрицательно влияет на его способность к социальной адаптации и формированию привязанности. Если случается ситуация, когда ребёнок не может находиться в своей семье, у него должна быть возможность временно разместиться в другой семье, в том числе в профессиональной. Социальные работники делают всё возможное, чтобы детей не отдавали в дом ребёнка. В каждой ситуации они находят индивидуальное, иногда не самое стандартное, решение. Такая возможность — не отдавать детей в интернат — поддерживает

матерей в их готовности оставить агрессора и не возвращаться к нему.

Дети Елены оставались попеременно то с кровной мамой, то с профессиональной. У неё появилась возможность зарабатывать и постепенно выйти из кризиса. Сейчас семья живёт спокойно. Материальные трудности по-прежнему остались, времени и ресурсов Елены хватает на всё с трудом, иногда предметами первой необходимости помогает «Партнёрство». Елена продолжает встречаться с психологом. Но главное — страха больше нет. ♦

**ПОДРОБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О ПРАКТИКЕ СМОТРИТЕ НА
➔ САЙТЕ ОРГАНИЗАЦИИ.
➔ СПИСОК СТАЖИРОВОЧНЫХ
ПЛОЩАДОК.**

ПРАКТИКА АНО «ПАРТНЁРСТВО КАЖДОМУ РЕБЕНКУ»

Дорога к маме

ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
СЕМЕЙ. ШАГИ

1. Поиск потенциальных профессиональных семей через интернет-сайты, социальные сети, среди сотрудников специализированных учреждений.
2. Отбор кандидатов на основе перечня критериев (здоровье, отсутствие судимостей, любой личный опыт воспитания младенца (своего ребёнка/родственника), наличие жилья, мотивация).
3. Встреча с кандидатами, анкетирование, социально-психологическое обследование, собеседование с психологом, заполнение анкет, бланковых методик.
4. Анализ полученных данных. Отбор потенциальных принимающих семей. Составление базы данных потенциальных принимающих семей.
5. Вынесение решения, подходит ли кандидат для дальнейшего прохождения обучения.
6. Индивидуальная встреча с кандидатами дома у принимающей семьи.
7. Обучение потенциальных принимающих семей:
  - обучение кандидатов в Школе профессиональных принимающих семей;
  - сбор потенциальными принимающими семьями медицинской документации, справок из полиции;
  - выдача сертификатов.
8. Составление базы данных по профессиональным принимающим семьям. Выяснение возможностей принимающих семей.

Вредные чувства

КАК СПРАВИТЬСЯ С ОПАСНЫМИ ЭМОЦИЯМИ, КОГДА РАБОТАЕШЬ С ДЕТЬМИ, ПЕРЕЖИВШИМИ НАСИЛИЕ?

Беседу провела Юлия Гугова

РАБОТАТЬ С РЕБЁНКОМ, ПЕРЕЖИВШИМ НАСИЛИЕ, — ЗНАЧИТ ВИДЕТЬ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА КОТОРУЮ — ПРАВЕДНЫЙ ГНЕВ. ОН ДАЁТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ НА БОРЬБУ, ОН ЖЕ СОЗДАЁТ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТА, ОСОБЕННО ЕСЛИ ВЫ НЕ ПСИХОЛОГ С ПРОФИЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ. КАК ОТНОСИТЬСЯ К СОБСТВЕННОЙ ЗЛОСТИ И ЧТО С НЕЙ ДЕЛАТЬ? НАДО ЛИ ЕЁ ГАСИТЬ, И ЕСЛИ ДА, ТО КАК? ОБ ЭТОМ ЮЛИИ ГУГОВОЙ РАССКАЗАЛА **ОКСАНА РЕШЕТОВА**, ПЕДАГОГ-ПСИХОЛОГ «ШАТАЛОВСКОГО ДЕТСКОГО ДОМА» В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА ФОНДА ТИМЧЕНКО «КУРС НА СЕМЬЮ — 2019»), РУКОВОДИТЕЛЬ РЕСУРСНОГО ЦЕНТРА, ОБУЧАЕТ СПЕЦИАЛИСТОВ ОТ МЛАДШЕГО ПЕДАГОГА ДО ПСИХОЛОГА, КАК ПРАВИЛЬНО СЕБЯ ВЕСТИ С РЕБЁНКОМ, СООБЩИВШИМ О НАСИЛИИ.

— Когда речь о жестоком обращении с детьми, — говорит Оксана, — у специалиста часто возникает агрессия к тому, кто ребёнку причинил боль. Что с этим делать...

— А это плохо? С этим нужно что-то делать?

— Конечно. Начнём, для примера, с психолога. Вы же понимаете: когда он начинает испытывать свои чувства, это накладывается на работу?

ПСИХОЛОГ И ГНЕВ

— У нас, психологов, задача — не стать адвокатами или прокурорами, — говорит Оксана.

— Не оправдывать и не обвинять. А помочь ребёнку снять негативные чувства, последствия жестокого обращения. Когда у меня появляется собственная агрессия, желание обвинять, происходит что?

— Как я помогу ребёнку не злиться, если сама злюсь?

— Верно, но с уточнением. Если мы говорим про ребёнка, то ему злиться в этой ситуации нормально. Например, если речь о насилии в семье, а это самая частая ситуация в нашей работе. Мы можем говорить: «Ты имеешь право злиться на свою маму». Но мы не имеем права сказать ребёнку, что да, твоя мама плохая, она делала плохо, злись на неё. Ощущаете разницу? Когда

я обучаю российских специалистов, всегда привожу пример, который даёт понять, в чём дело. Представьте: супруги поссорились, пусть без страшных последствий, просто муж жену чем-то сильно обидел. Жена звонит своей подруге и рассказывает, какой он... в общем, в различных эпитетах. Какая может быть позиция у подруги? Первое — когда она выслушивает и говорит: «Да, тебе трудно, я понимаю, что ты на него злишься. Ну, это мужчины, они другие, не такие чувствительные, он мог ненароком тебя обидеть, а может, не совсем подумал. Он осознаёт, что был неправ». Или подруга может сказать: «Он всегда у тебя такой гад был. И вообще, как ты за него замуж вышла? Тебе пора разводиться». А теперь представьте: на следующий день муж принёс цветы, извинился, и всё в семье хорошо. Какое ваше отношение к подруге, которая его ругала? А теперь примите в расчёт, что мы разбирали ситуацию даже не кровного родства. В случае с кровным родством всё умножайте на два. Будет ли ребёнок доверять мне, помня о том, что я вчера говорила: «Твоя мама плохая»? Наша задача не в этом. А помочь ему перейти на другой уровень восприятия своего опыта, собственно говоря, проработать его психотравму.

— Но что тогда говорить о его родителях, деликатно обходить вопрос?

— Первое: мы можем говорить, что ты имеешь право злиться, потому что ты испытывал такие и такие чувства. Второе: мы можем сказать, что есть родители, которые наказывают, бьют своих детей, но я считаю — это неправильно, взрослый не должен обижать ребёнка. Когда я так говорю, с одной стороны, ребёнок понимает, о ком я говорю, он понимает, что это про его родителей тоже, но в то же время я не говорю, что они плохие, не обвиняю их. Потому что обвинение родителей — это для детей, по сути, ещё одна травма, связанная с самоидентификацией,

с восприятием своей кровной семьи как какой-то дефективной. Если я — наполовину мама и папа, а у меня мама «с дефектом», то кто тогда я? Ребёнок всё равно будет заступаться за своих родителей, всегда. И тут важно также не скатиться в позицию оправдания. Что мама, наверное, не могла справиться с каким-то поведением твоим, раз взялась за ремень или делала такие-то вещи. Это тоже бывает ошибкой специалистов, особенно на начальных этапах. Это две крайности — уход в агрессию и уход в оправдание, ни там, ни там вы не специалист.

— Как не злиться, когда видишь избитого ребёнка?

— Это возможно, если я занимаю профессиональную позицию. Я сама себя, когда чувствую, что начинаю закипать, готова присоединиться к ребёнку и обвинять его родителей, должна сама остановить вопросом: «Кто я в этой ситуации?». Это первый вопрос. И дальше я должна задать себе второй: «Я этим помогаю?». Ведь моя задача как специалиста в чём? Оказать помощь. Чем я здесь помогаю и помогаю ли?

— Вам приходилось останавливать себя и задавать этот вопрос?

— Честно признаюсь, первые лет семь профессиональной деятельности с этим вопросом я часто сталкивалась.

— Хорошо, я признала необходимость, выучила вопросы. Должна же вовремя возникнуть мысль, что мне пора их себе задать?

— Да. Хотя, честно сказать, я плохо себе представляю, чтобы у меня как специалиста этот вопрос не возник. Почему? Потому что агрессию трудно в себе не заметить. Появление желания

кого-то наказать, обвинить, ткнуть в кого-то пальцем и сказать: «Вот виновник!», «Я на него злюсь!» — выстреливает очень быстро. Дальше — я задаю себе два вопроса. И если это не помогает, я понимаю, что я не могу выйти из агрессии, вот меня раздражает, мне хочется кричать на этих родителей, мне хочется ребёнку говорить, что да, они плохие, они неправильно делали. Тогда добро пожаловать к супервизору, это одна из ситуаций, когда к нему необходимо идти.

АГРЕССИЯ И СИЛА

— **Точно ли агрессия — всегда плохо? Ведь она даёт мне больше сил.**

— Я с вами согласна. Но вам-то зачем эта энергия? Вы как специалист и так с определённой энергией работаете, правда? Или я как специалист с удвоенной энергией работаю, когда речь об определённых вопросах? Тогда интересно, зачем мне эта удвоенная энергия? Я хочу кого-то победить? Провести матч-реванш? Или я всё-таки хочу помочь ребёнку? Вы же понимаете, это одинаково плохо, когда я недодаю и когда передаю?

— **Интересно и неочевидно. Кажется, дать больше — лучше.**

— Кажется, да. Помните это выражение: благими намерениями выстлана дорога, ну, не в рай.

— **Почему дать слишком много — плохо?**

— Сейчас попробую объяснить. Вот представьте: когда я даю слишком много, это удвоенная энергия. Откуда она у меня взялась? Что во мне такое затрагивается, когда я работаю, например, с последствиями физического насилия, что меня переполняют эмоции? Что там внутри меня, что придаёт мне особую силу работать с этим случаем? Вы понимаете, это про то же самое.

— **Про то, что я начинаю решать свои проблемы вместо того, чтобы решать проблемы ребёнка?**

— Абсолютно верно.

ЕСЛИ Я НЕ ПСИХОЛОГ

— **Получается, я всё-таки могу позволить себе агрессию, если я не психолог. Пусть я буду решать свои внутренние проблемы заодно, но зато больше энергии пойдёт в дело.**

— Конечно, это опасная вещь ещё по одной причине: если так работать, то в очень скором времени — здравствуй, эмоциональное выгорание. Если я работаю на надрыве, на усилении, то нужно понимать, что после наступит время, когда будет спад моего эмоционального состояния. Мы не можем длительно удерживать ситуацию, умноженную надвое.

— **В помогающей сфере нередко можно встретить такую ситуацию: толпа соратников кидается защищать кого-то, устроив массовое бичевание обидчика. Агрессора, например.**

— Опять же, когда я присоединяюсь к массовому бичеванию, я присоединяюсь в качестве кого — специалиста или человека? Если я специалист, у меня только одна задача — помочь. Например, психологи работают не только с ребёнком. Они работают и с агрессором. Понимаете? И работают не в плане его бичевания, а в плане коррекции его эмоциональных порывов, его позиции, его отношения к ребёнку. А если я присоединяюсь к бичевателям, тогда я не помогу. И на мой личный взгляд, это касается всех специалистов, работающих с семьёй. Да, многие не находятся в таком тесном контакте с детьми, как психологи. А если ребёнок захочет об этом рассказать социальному педагогу, а не психологу? У нас в учреждении есть внутреннее обучение специалистов, мы обучаем социальных педагогов, воспитателей и младших воспитателей, людей, которые обеспечивают условия проживания детей, обслуживают помещение, как реагировать правильно, когда ребёнок начинает говорить о том, что имел место факт насилия над ним.

— **Можем сделать краткий перечень правил, чего не надо делать?**

— Если мы говорим не про психологов, а про людей, которые могут случайно столкнуться с ситуацией, первое — не впадать в праведный гнев, а позаботиться о ребёнке. Во-первых: выслушать ребёнка, дослушать его до конца. После того, как дослушали, важно не лезть в глубину. Не задавать вопросов уточняющих, конкретизирующих. Не начинать заниматься поиском виноватых. Когда мы обучаем специалистов нашего детского дома, мы говорим, что вы всегда можете спросить ребёнка: «Почему ты об этом вспомнил сейчас?». И тогда мы выходим на ответы ребёнка о том, что ему сейчас грустно стало или он сейчас испугался. После этого ему можно предложить поговорить об этом с психологом: «Если хочешь, можем пойти вместе». У нас было

несколько случаев, когда ребёнок, несмотря на сложившиеся отношения доверия к психологу, приходил не сам, а с воспитателем. Перечень действий, который я описала, делает важное: с одной стороны, мы не отмахнулись от проблем ребёнка, с другой — мы не стали играть в психологов для него в этот момент, а с третьей — мы не стали бичевателями его родителей и не добавили новой травмы к уже существующей.

КАК СПРАВИТЬСЯ СО СВОЕЙ АГРЕССИЕЙ

— Должно быть понимание: когда работаем с ситуацией жестокого обращения, всё равно после не остаёмся настолько же ресурсными, какими были до, — говорит Оксана. — Всё равно нас выбивает из колеи. И начинают выходить чувства. Это и про злость, и про жалость к ребёнку. Я сейчас не про сочувствие, а именно про жалость, это другая вещь. Собственные слезы здесь могут появиться, и это нормально. Психологи или не психологи, мы все люди. И здесь важно после того, как поработали с таким сложным случаем, получить поддержку коллег или другую разрядку. У каждого должно быть так, как для его восстановления ресурсно. Это может быть прогулка, релаксация, телесная терапия (приёмы мышечной релаксации Джекобсона), выехать в лес и покричать.

— Если нет универсального средства, как мне найти своё?

— Мы с коллегами экспериментировали, и я вижу эффективность вот в каком способе. Я бы порекомендовала, если я как специалист искренне не понимаю, как мне подобрать метод, который мне поможет, действовать так. Всегда надо помнить, что есть три ведущих канала восприятия, или три репрезентативные системы: аудиальная, визуальная и кинестетическая. Если человек затрудняется в поиске лучшей для себя формы душевного отдыха, то нужно попробовать несколько упражнений, которые опираются на три эти репрезентативные системы.

Например, если про визуальный канал: возможны закрывание глаз, медитации. Представьте, что вы идёте по лесу, увидите этот лес, какой он, подошли к ручью, потрогали, какая вода, умылись — это опора идёт на визуальный канал, то, что я вижу или представляю. Если про аудиальный канал — то это как раз аутогенные тренировки, когда я включила музыку, услышала слова, которые перемежаются с музыкой. Расслабьте правую ногу, левую ногу и так далее. И если мы говорим про кинестетический канал — это всё, что я делаю для своего тела, это мышечная релаксация, это ванны с чем-то

приятным. У кого-то больше развит визуальный канал, у кого-то аудиальный или кинестетический, но, попробовав все три вида, человек определится, что больше всего действует на него. И дальше сможет практиковать больше способов с опорой именно на свой канал. Коллеги, которые много лет работают психологами, уже, как правило, знают, что им помогает больше. Однозначно только: бросать себя в ситуации, когда мне поплохело, стало грустно, тревожно, зло, — нельзя. Если оставить так, пойдёт накопление, и, соответственно, потом аффективная разрядка либо уход в выгорание.

— Аффективная разрядка — значит, я сорвусь в работе?

— Да, причём срыв у всех разный, у кого-то слёзы, у кого-то — «Я не хочу больше работать в этой сфере», а у кого-то — агрессия. И надо сказать, что бывают, к сожалению, случаи, когда и саморегуляция не будет действенной. Если у специалиста есть собственный опыт прохождения, но не проживания этой травмы. То есть когда я, например, в детстве подвергался сексуальному насилию со стороны взрослого человека, причём мы говорим не о прямом даже сексуальном контакте, а о других ситуациях — например, ребёнок лежал в больнице, и на осмотр пришли практиканты медвуза, обследование ребёнка, раздевание при всех, а девочка, например, подросток. Это тоже сексуально травматичный опыт. Так вот, если у специалиста есть незакрытая травма — конечно, он будет присоединяться к ребёнку на бессознательном уровне. Даже сам не желая этого. Тогда встаёт вопрос: насколько я могу вести этот случай? И тут важна супервизия. Пойти самому к психологу и проработать свою ситуацию. Только потом я уже могу работать с детьми в подобной истории. ♦

РЕБЁНОК РАССКАЗАЛ ВАМ О НАСИЛИИ НАД НИМ, А ВЫ НЕ ПСИХОЛОГ. ЧТО ДЕЛАТЬ?

1. Выслушать внимательно, дослушать его до конца.
2. Не лезть в глубину. Не задавать конкретизирующих и уточняющих вопросов.
3. Не заниматься поиском виноватых.
4. Можно спросить ребенка: «Почему ты об этом вспомнил сейчас?» — и узнать, что ему сейчас стало грустно или он испугался.
5. Предложить пойти к психологу. Если ребёнок хочет, пойти с ним.